

СЕРГЕЙ ЖАРКОВ

ВИКИНГИ

ПЕРВАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Лучшие воины в истории

Сергей Жарков

Викинги

«Яуза»

2018

УДК 355/359

ББК 68

Жарков С. В.

Викинги / С. В. Жарков — «Яуза», 2018 — (Лучшие воины в истории)

ISBN 978-5-04-090373-3

«A furore Normannorum libera nos, Domine» — с такой молитвой в VII-XI вв. обращались многие священники Западной Европы, прося защитить их от викингов... Они появились у европейских берегов на своих кораблях под красными или полосатыми парусами с устрашающей головой змеи или дракона на носу. По словам современников, они «опустошали грешную землю Англии от одного морского берега до другого; убивали народ и скот и не щадили ни женщин, ни детей». А Карл Великий однажды с горечью сказал: «Предвижу, сколько зла наделают эти люди моим преемникам и их подданным». Эпоху викингов, продолжавшуюся с VIII по XI век, обычно рассматривают как отдельную эру, поскольку, хотя исторически она представляет собой естественное продолжение легендарных столетий, политические ее результаты грандиозны. Имя легендарных завоевателей — викингов, бороздивших моря и совершавших успешные набеги на владения людей, живших недалеко от берега, — у всех на устах. С ними связано множество литературных и художественных произведений. Спустя века легенды о викингах рассказывают снова и снова... Новая книга Сергея Жаркова впервые рассказывает не только о военном искусстве викингов, но и об их жизни и дает ответ — откуда появились эти воины, три века державшие в страхе всю Европу. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355/359

ББК 68

ISBN 978-5-04-090373-3

© Жарков С. В., 2018

© Яуза, 2018

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	57
3.1. Общество у викингов	57
3.1.1. Король	59
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Жарков
Викинги. Первая
иллюстрированная энциклопедия

© Жарков С.В., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Что такое эпоха викингов

Что такое эпоха викингов? Сам термин «эпоха викингов» появился в скандинавских странах (в Швеции, Норвегии, Дании) для обозначения исторического периода раннего Средневековья с VIII по XI век, когда жители Скандинавии, известные как викинги, совершали набеги на сопредельные страны. В то же время они устанавливали торговые отношения со странами Средней Азии и Ближнего Востока и расселялись на широком пространстве от Восточной Европы до Северной Америки и Гренландии. Кстати, именно события эпохи викингов дали импульс развитию скандинавской литературы, истории и политики и вплоть до сегодняшнего дня способствуют национальному самосознанию и чувству единства у скандинавов.

Эпоху викингов не случайно рассматривают как отдельную эру, поскольку, хотя исторически она представляет собой естественное продолжение легендарных столетий, политические ее результаты грандиозны. Имя легендарных завоевателей – викингов (многие из которых играли значительную роль на европейской арене), бороздивших моря и совершавших успешные набеги на владения людей, живших недалеко от берега, у всех на устах. С ними связано множество литературных и художественных произведений. Их память была увековечена на памятных камнях, в стихах, а позднее в сагах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наше знание об эпохе викингов проистекает преимущественно из древних текстов, большая часть которых имеет литературный характер. Кстати, в наше время о викингах написано куда больше, чем сохранилось тогдашних саг и поэм. Так, спустя века легенды о викингах рассказывают снова и снова.

С исторической точки зрения эпоха викингов – это период скандинавской экспансии, начало которой связывают с разбойничьим нападением на английский монастырь Святого Кутберта на острове Линдисфарн 8 июня 793 г. н. э., а конец — с битвой при Гастингсе 14 октября 1066 г., где потомки викингов, франко-нормандские рыцари, разгромили англосаксонское войско Гарольда Гондвинсона, которое перед этим, 25 сентября 1066 г., одержало победу над норвежским королем Харальдом Суровым в сражении при Стомфордбридже. В целом можно сказать, что скандинавская экспансия, в ходе которой скандинавские народы прошли процесс перехода от варварства к государственности, проходила в три этапа. Первый этап (793–891 гг.) – это время натиска независимых, самоорганизующихся «вольных дружин», быстро перешедших от грабительских набегов на монастыри и церкви (разбогатевшие при Меровингах и англосаксонских королях) к дальним экспедициям, захватам и завоеваниям. Англосаксонские королевства не смогли противопоставить эффективного сопротивления этому натиску. Западно-Франкское государство выдержало его с большим трудом. А вот Восточно-Франкское королевство (будущая Священная Римская империя, а ныне земли Германии, Нидерландов и Бельгии) во время правления короля Арнульфа Каринтийского смогло не только организовать отпор викингам, но и нанести им сокрушительное поражение 1 сентября 891 года в битве при Лёвене (Брабант, Бельгия), тем самым временно приостановив нашествие норманнов. Эта битва отмечает конец первого этапа. Второй этап (891–980 гг.) – это начало образования скандинавских государств. Силы викингов отвлечены внутренними событиями в Скандинавии. Это время гражданских войн, морских грабежей, великих географических открытий норманнов. Во время второго этапа отмечаются спад военной экспансии викингов, организационная перестройка движения, и лишь к концу второго этапа викинги возобновляют военные операции. Все это свидетельствует о сохранении социальных условий и сил, вызвавших к жизни движение викингов. Третий этап (980-1066 гг.) можно назвать «эрой конунгов-викингов». На этом этапе идут борьба и военная экспансия раннефеодальных королевств. В столкновениях коро-

левских армий движение викингов уничтожает собственный военный, социальный и людской потенциал.

Вот как описывает «эпоху викингов» в своей монографии «Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси» известный советский и российский ученый, доктор исторических наук, археолог, специалист по варяжским древностям Глеб Сергеевич Лебедев (1943–2003): «По своему социальному содержанию эпоха викингов представляет собой финал общеевропейской эпохи Великого переселения народов (V–VI вв.), но финал запоздалый, развернувшийся в иных политических условиях. В Скандинавии он вызвал к жизни особое социальное явление – «движение викингов», которое охватило широкие и различные общественные слои и вырабатало новые, специфические организационные формы. Движение викингов обеспечило (за счет военных походов и внешней торговли) поступление в Скандинавию значительного количества материальных ценностей. В ходе движения дифференцировались и консолидировались новые социальные группы: военно-дружинный слой, купцы, ремесленники. На базе накопленных материальных и социальных ресурсов сформировались политические институты раннефеодальной государственности, королевская власть, которая последовательно подчинила органы племенного самоуправления, уничтожила или адаптировала родоплеменную знать, консолидировала военно-феодальные элементы, а затем ликвидировала движение викингов. Соотношением всех этих социальных сил на протяжении двух с половиной столетий были predeterminedены характерные особенности скандинавской средневековой государственности, неизвестные в других феодальных странах Европы (сохранение институтов крестьянского самоуправления, народной вооруженной силы – ледунга, отсутствие крепостного права). В то же время именно к концу эпохи викингов сложились и функционировали основные институты раннефеодальной государственности: королевская власть, опирающаяся на иерархически организованную вооруженную силу (практически совпадающую с классом феодалов и противостоящую вооруженной организации свободного населения); регламентированное этой властью законодательство, обеспечивающее контроль государства над налогами, повинностями, судом; христианская церковь, освящавшая социальную систему и политический строй феодальной формации. Эти основополагающие элементы средневекового классового общества вызревали на протяжении всей эпохи викингов, а к концу ее уже определяли общественную, политическую и культурную структуру каждой из скандинавских стран. В целом можно сказать, что именно эпоха викингов в Северной Европе стала эпохой вызревания и развертывания непримиримых классовых противоречий, завершившихся установлением классового, феодального государства. Специфика этого процесса в Скандинавии IX–XI вв. заключалась в широком использовании дополнительных, внешних ресурсов, исчислявшихся минимум в 7–8 млн марок серебра и перераспределенных в итоге в пользу формирующегося класса феодалов (составлявшего с семьями не более 2–3% населения и исчислявшегося в 12–15 тыс. вооруженных людей). Первичная концентрация этих средств была осуществлена силами викингов. Это движение, численность которого достигала на разных этапах 50–70 тыс. человек, привело к своеобразному «перепроизводству надстроечного элемента» в виде военных дружин, оторвавшихся от племенной организации и не вошедших в состав класса феодалов. Постепенная (и неполная) дифференциация викингов, их растворение в составе разных социальных групп средневекового общества (в Скандинавии и за ее пределами), методичная борьба с ними королевской власти, а самое главное – изъятие в пользу государства, феодального класса накопленных излишков средств подорвали социально-экономическую основу движения викингов и привели к его прекращению.

Это движение было вызвано к жизни политическими условиями эпохи. В отличие от германских и славянских племен IV–VI вв., скандинавы имели дело не с разлагающейся античной, рабовладельческой империей, а с системой феодальных государств – либо сложившихся (Каролингская империя, Византия, Арабские халифаты), либо складывающихся (Древняя Русь,

Польша, полабские и балтийские славяне). На Западе, где норманнам противостояли сложившиеся государства, викинги смогли получить определенное количество материальных ценностей (путем военных грабежей), принять участие в феодальных войнах, частично войти в состав господствующего класса и усвоить при этом некоторые политические и культурные нормы феодального общества. Эти отношения особое значение имели на ранних этапах эпохи викингов (793–891 гг.) для вызревания в жестоком военном противоборстве организационных форм движения (дружины викингов). В дальнейшем, потерпев военное поражение, скандинавы вышли на западноевропейскую арену лишь после того, как в основе было завершено строительство раннефеодальных государств в Северной Европе.

Отношения на Востоке развивались иначе. Необходимые материальные ценности (через Русь на Север поступило не менее 4–5 млн марок серебра, т. е. более половины использованных для «феодальной революции» средств) невозможно было получить непосредственно путем грабежей, так как они накапливались здесь в результате многоступенчатой, транзитной торговли славян с мусульманским миром и Византией. Варяги были вынуждены включиться в строительство системы государственных коммуникаций, территорий, центров, институтов и в силу этого в значительной степени подчинить свои интересы и цели интересам и целям славянского господствующего класса Древней Руси. Отношения варягов с Русью приняли характер длительного и многостороннего сотрудничества. Оно началось в раннюю и наиболее плодотворно развивалось на протяжении средней эпохи викингов (891–980 гг.), в самый ответственный для скандинавских стран период собственного государственного строительства.

Эти отношения, охватившие сферу материального производства (ремесло), торгового обмена, социальных институтов, политических связей, культурных норм, обеспечили поступление в Скандинавию не только материальных ценностей, но в значительной мере и социально-политического опыта, выработанного господствующим классом Киевской Руси, который, в свою очередь, был тесно связан с крупнейшим и авторитетнейшим из феодальных государств эпохи – Византийской империей. В это время норманны, столкнувшиеся с государствами «римско-германского синтеза» в безуспешном военном противоборстве, в какой-то мере были втянуты в орбиту иного пути строительства феодализма — на основе взаимодействия общинных, «варварских» порядков славянских и других племен с античной традицией, которая в Византии преемственно развивалась от рабовладельческой формации к феодальной. Некоторые нормы и ценности этого восточноевропейского мира глубоко укоренились в обществе эпохи викингов и на столетия предопределили своеобразие духовной культуры Скандинавских стран.

Собственный, «северный» путь развития феодализма окончательно определился в позднюю эпоху викингов (980–1066 гг.), когда постепенно были свернуты разносторонние отношения с внешним миром. В середине XI в. Скандинавские страны опирались уже главным образом на внутренние ограниченные ресурсы, чем и определялась в дальнейшем их роль в истории Европы Средних веков. В заключение можно сказать, что эпоха викингов в Северной Европе – один из важнейших этапов исторического прошлого скандинавских стран. Она отделяет десять тысячелетий первобытности от начала собственно исторического периода, который на севере Европейского континента открывается становлением раннефеодального общества как первой классовой социально-экономической формации.

В XXI веке эпоха викингов озарена особым отблеском романтики и приключений. Этот интерес послужил толчком к восстановлению памятников древности, связанных с эпохой викингов, и к созданию массы книг, кинофильмов и музейных экспозиций, которые, как правило, представляют викингов в качестве носителей развитой культуры раннесредневековой Скандинавии. Викинги как бренд широко представлены в сувенирной индустрии и рекламе. В том, что викинги стали своего рода торговой маркой Скандинавии, нет ничего удивительного, так как в сознании скандинавов эпоха викингов – это период великих свершений, которыми

их далекие предки прославили себя повсюду в мире. В целом можно сказать, что в XXI веке эпоха викингов играет все более существенную роль как средство самоидентификации, причем не только для датчан, шведов и норвежцев, но также для немцев, англичан и даже американцев или, что еще экзотичней, для новозеландцев скандинавского происхождения. В наше время к наиболее очевидным формам подобного самоотождествления с эпохой викингов относится быстрый численный рост всевозможных викингских фестивалей, инсценировок и ярмарок, устраиваемых практически ежегодно во многих странах мира. Можно даже сказать, что создается некий миф о викингах, который является конечным результатом идеализации эпохи викингов и самих викингов, т. е. переходом от крайне негативного (и с точки зрения жертв викингов, по-видимому, вполне реалистичного) представления о викингах как о пиратах, варварах, грабителях, убийцах и поджигателях, отраженного в англосаксонских и франкских хрониках и анналах, к распространенному еще с XVIII века образу благородного, бесстрашного воина, первооткрывателя и поселенца. Но тут необходимо пояснить, что не только в новое время, как ранее предполагалось, но уже в Средние века в Скандинавии начинает формироваться миф о викингах. И даже авторы саг имели возможность обращаться к некоему мифу, уже широко распространенному среди викингов VIII и IX вв. Но вместе с тем у большинства людей во всем мире и даже в самой Скандинавии сложился отрицательный образ викинга-пирата, который отправлялся на своем корабле в чужие земли и с мечом в руке совершал там кровавые деяния. Викинги грабили церкви, вымогали дань, убивали местных жителей или уводили их в рабство. Таково традиционное, но вместе с тем весьма одностороннее представление о викингах. Возникло оно в первую очередь благодаря современникам викингов, священнослужителям-хронистам, которые оставили свои описания, посвященные драматическим событиям тех далеких лет. Именно их свидетельствами в первую очередь и пользовались в средние века историки, сказители, сочинители саг. Так, на протяжении всей эпохи викингов монахи и клирики на страницах своих хроник описывали сцены ужаса и кошмара, творимые викингами-язычниками. Викингов припечатывали клеймом антихристов, безжалостных варваров, грабивших и сжигавших все и вся на своем пути, этаких животных, не привыкших ценить ни своих, ни чужих жизней, способных лишь на уничтожение и разграбление. Зловещими символами их служили молот Тора и ворон Одина, воплощавшие в себе жестокость и отвратительную злобу черных языческих богов. Но на самом деле история редко бывает столь односторонней, как представлена она на страницах источников. Что касается викингов, образ их был таков, и таким он остался по сей день. Однако это, вне сомнения, не вся правда. Если мы внимательней приглядимся к источникам, по которым изучают эпоху викингов, увидим, что, например, агиографическая литература, как и латинские анналы и хроники, демонстрирует крайне негативную картину эпохи викингов, а вот саги об исландцах и королевские саги представляют картину нейтральную. Ну а саги о древних временах и героическая поэзия вообще рисуют сильно стилизованную и романтизированную картину эпохи викингов. Так что ни малопопулярный ныне образ жестокого и кровожадного викинга, ни образ гордого героя-пирата не являются исторической или литературной неточностью, но присутствуют уже на раннем этапе. Также не следует упускать из виду, что саги о древних временах, вопреки их средневековому определению как «лживых саг», содержат удивительный пласт реминисценций эпохи викингов (в основном топологического свойства), что также свидетельствует о ранней идеализации эпохи викингов в современной ей литературе, и не только в скальдической и героической поэзии, но даже в рунических надписях и в латинских текстах. Еще хотелось бы отметить тот факт, что исландская литература с конца XII века освободилась от влияния латиноязычных агиографических сочинений и ученых трудов и получила возможность представить собственную независимую картину, ничуть не затрагивая при этом вопроса о христианстве. Несомненным подспорьем этому являлся тот факт, что большая часть эпохи викингов предшествовала хри-

стианизации Скандинавии и, таким образом, представляла собой чистое поле для идеализации и героизации предков-викингов.

В наше время исследователи благодаря современной археологии и, конечно, с помощью других научных дисциплин и литературы озвучивают более взвешенные мнения об эпохе викингов, приводя более полные версии ее истории. В подобных версиях викинги предстают не в столь зловещем свете. Все дело в том, с какой стороны смотреть: больше внимания не набегам, грабежам и ужасу, а искусству, поэзии, торговле и технологиям энергичных людей с севера и позитивному воздействию, оказанному ими на страны, в которые они приходили и в судьбе которых оставили свой неизгладимый след.

Глава 2

Кто такие викинги

Истинное происхождение слова «викинг» не установлено с абсолютной точностью. В наши дни мы называем викингами средневековых мореплавателей, уроженцев тех земель, где находятся современные Норвегия, Дания и Швеция, которые ходили в завоевательные походы и жили за счет военной добычи, захваченной на море или в других землях. А вот в современной научной среде в странах Западной Европы принято считать, что под термином «викинги» кроются две различные группы людей: с одной стороны, население Скандинавии эпохи викингов, мужчины, женщины и дети, а с другой – по всей видимости, состоявшие исключительно из мужчин корабельные команды пиратов.

В письменных скандинавских источниках слово «викинг» служило синонимом пиратства или рейда, а люди или человек, которые/который занимался подобным ремеслом, назывался «викинг» (víkingr). А вот латинские источники, повествуя об этих морских разбойниках, предпочитают говорить о «датских пиратах» или же о «норманнах».

Вот что пишет о происхождении слова «викинг» в своей статье «Викинги: Миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов» (Источник: Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год: Восточная и Северная Европа в Средневековье. Отв. ред. Г.В. Глазырина. М., 2001 год) немецкий историк, филолог-германист, профессор древнегерманской и скандинавской литературы в Боннском университете Рудольф Зимек: «Все словари по древней Скандинавии, даже по средневековому языку Исландии и Норвегии, предлагают две, а иногда и три основные интерпретации термина «víkingr», и в первую очередь – «викинг», что с большей точностью может быть интерпретировано как «морской воин, некто, принимающий участие в víking». Данное значение может подразумевать все, что угодно, – от «морского героя» до «пирата», а также «грабителя». Последнее толкование, т. е. «пират, грабитель», известно как преобладающее в континентальных источниках. За исключением некоторых отдельных случаев употребления на староанглийском и у Адама Бременского, слово «викинг» вообще не встречается».

Кстати, многие хронисты демонстрировали склонность применять термин «датчане», «норвежцы» и даже «шведы» попеременно и вне четкой связи с теперешними национальностями. Так, например, Адам Бременский, писавший около 1075 г., говорит о «датчанах и шведах, которых мы называем норвежцами, или норманнами», и также сообщает нам, что «датчане и шведы и другие народы за пределами Дании (т. е. норвежцы) называются норманнами». Посему, когда «Англосаксонская летопись» то и дело упоминает «деннов», или «данов» (Dene или Dani), не стоит думать, что все эти викинги происходили из Дании.

А вот как описывает происхождение слова «викинг» в своей книге «Мир викингов» профессор Орхусского университета (Дания) Эльсе Роэсдаль, которая является одним из ведущих европейских ученых в области археологии и истории викингов: «В самой Скандинавии морских пиратов называли и называют викингами. При этом викингами называли как воинов, которые регулярно ходили в морские походы, так и сами эти предприятия: выражения «быть в викинге», еще чаще «плавать в викинге» (fara i viking) означали — совершать морской грабительский поход. Самое простое толкование термина «викинг», родившееся еще в XIX в., – вызывающий, смелый, предприимчивый человек. Вслед за Англией и Западной Европа в общем знала их как данов (датчан), позднее – норманнов («людей Севера»), Темноволосяные ирландцы называли их светлыми чужеземцами. Свеонов и данов, которые «сокрушили воинскую доблесть саксов», называли в германских землях «аскоманнами» (Askomanni). На Руси, со скандинавами, особенно со шведами, тесно связанной, их называли варягами (ориен-

тировочно дружинники). В Византии воинов-скандинавов, служивших в императорской гвардии в составе русской дружины, а также воинов, приехавших непосредственно из Скандинавии, вместе с русичами и представителями других народов, входивших там в «варяжский корпус», называли «варяжский корпус» или варинги. В Западной Европе это название превратилось в веринги – термин, встречающийся и в сагах. Кстати, исследование термина «веринги», отраженного в ряде восточно-шведских топонимов, показало, что эти топонимы относятся к местам, связанным с морем, и не имеют укоренения в шведской топонимии. Иначе говоря, их можно отнести к топонимам, которые были привнесены не вернувшимися ли из Византии варягами и/или служилыми воинами? Этот вопрос помимо прочего интересен в аспекте культурных заимствований и взаимодействия скандинавов между собой».

На этой знаменитой 3,6-метровой колонне (около 700–800 гг.) с острова Готланд в Швеции изображена сцена, повествующая о героической судьбе викинга-воина (рассматривается сверху вниз). Сначала он погибает на поле битвы; затем конь несет его к месту погребения; наконец, корабль викингов переносит его в Валгаллу. Всего на острове Готланд до наших дней уцелели около 375 резных изображений из песчаника и известняка, датируемых периодом с V по X в. Лучшие обычно относятся к VIII–IX вв.

Если вести речь об общественном статусе викингов, то средневековые скандинавы представляли собой преимущественно независимых фермеров или рыбаков, торговцев или ремесленников, кузнецов или плотников. Они признавали местного вождя, представителя аристократического класса, или ярла, который, в свою очередь, являлся вассалом короля. В самом низу основания социальной пирамиды находились «троллы» (рабы), которые целиком и полностью принадлежали хозяину и, безжалостно эксплуатируемые, работали на него всю свою жизнь. Работоторговля представляла собой весьма прибыльное дело, а потому невольничьи рынки в эпоху викингов процветали повсюду – от Дублина до Константинополя.

На могильной плите IX в. (т. н. «квадратная могила»), под которой покоился прах викинга, изображены побеги растений, оплетающих тело обернувшегося в беге зверя. Эта могильная плита была обнаружена в 1852 г. на кладбище церкви Святого Павла в Лондоне. Следы краски на камне позволяют утверждать, что тело животного было черно-синим с белыми отметинами, а фон— светло-желтым. Руны, высеченные в левом углу, гласят: «Сей камень воздвигли Гинна и Токи».

Вкратце о викингах можно сказать следующее. Викинги являлись одними из самых смелых и знающих мореходов средневековой Европы. В отличие от большинства континентальных стран того времени, викинги использовали свой флот больше в военных целях. Помимо банальной перевозки грузов и людей корабли викингов могли совершать длительные рейды по водным путям в глубь вражеской территории, а отряды викингов, размещенные на кораблях, могли сражаться с одинаковой ловкостью как на суше, так и на воде (имеется в виду абордажный бой). Основным типом норманнского корабля был драккар. Это парусно-гребное судно длиной 20–23 м, шириной в средней части 4–5 м. Благодаря эластичности конструкции драккар был устойчив к океанским волнам. Его небольшая осадка позволяла идти по мелководью, что давало возможность кораблям викингов подходить ближе к берегу и плавать по мелким рекам. Пиратские набеги викингов поселили такой ужас в сердцах европейцев, что в конце X века в церковную молитву об избавлении от бедствий была включена просьба к Богу об избавлении «от ярости норманнов» («*De furore Normannorum libera nos, Domine*»).

Основной силой войска викингов была пехота. Правда, надо уточнить, что в основном пехота викингов во время набегов предпочитала передвигаться по суше не пешим маршем, а верхом на конях, захваченных на вражеской территории. Такая «конная пехота» давала сухопутному войску викингов дополнительное преимущество— мобильность. Поэтому, как только викинги высаживались на вражеский берег, они первым делом захватывали коней, чтобы иметь возможность быстро передвигаться, а наткнувшись на неприятеля, «конная пехота» викингов спешила и сражалась в традиционном пешем строю. В бою викинги умело использовали преимущества рельефа местности, который по возможности в зависимости от боевой ситуации улучшали, возводя различные искусственные препятствия, превращая тем самым свою позицию в хорошее оборонительное укрепление. Так, например, готовясь к сражению против тяжеловооруженной конницы франков, викинги выкапывали рвы или занимали позиции, недоступные для конных воинов. В целом, конечно, викинги не любили сражаться против тяжеловооруженной конницы, предпочитая отойти и, улучив удобный момент, неожиданно атаковать расслабившегося противника, что обычно приводило к разгрому последнего. Примерно так могло бы закончиться сражение при Сокурте в 881 году. В этом сражении войску викингов противостояла тяжеловооруженная рыцарская конница франков, которая после первой удачной атаки, вместо того чтобы окончательно добить врага, расстроила свои ряды, тем самым позволив викингам прийти в себя и перейти в контрнаступление. Лишь повторная атака сплоченного строя конницы франков позволила остановить натиск викингов, которые, неся тяжелые потери, были вынуждены отступить (по некоторым данным, викинги потеряли убитыми в этом бою около 8 тыс. чел.). От полного разгрома викингов спасла жесткая дисциплина, благодаря которой их поредевший строй отступал, сохраняя полный порядок.

Помимо столкновений с франкской конницей викингам часто приходилось иметь дело и с конницей Византии: примером может служить битва, произошедшая при Силистрии в 972 году. Для борьбы с тяжеловооруженной конницей противника пешее построение викингов строилось следующим образом: воины строились фалангой (если было мало воинов, то построение было в форме полукруга или круга). Все воины стояли, сомкнув ряды. Воины первого ряда упирали нижний конец копий в землю, а острие наконечника направляли в грудь вражеского всадника, в то время как воины второго ряда нацеливали свои копья непосредственно на боевых коней.

В качестве военных баз для своих вторжений викинги использовали острова, крепости, укрепленные города и каменные церкви. Долгие осады бывали нечасто, но если таковые имели место, то викинги использовали осадные машины, производили подкопы – в общем, воевали по всем правилам осадной войны. Но больше всего викинги любили во время нападений и обороны прибегать к различным военным хитростям. Мобильность и изобретательность викин-

гов поражали их западноевропейских противников, правители которых старались заполучить в свою армию таких воинов.

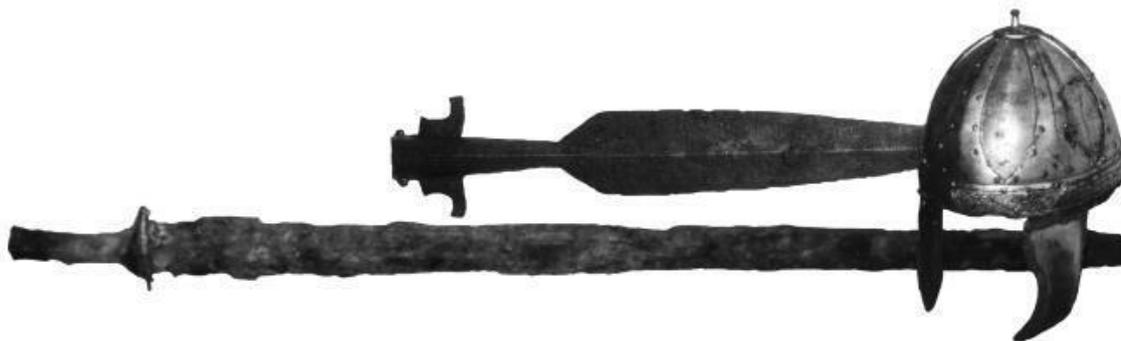
Для исследователей викингов и самой эпохи викингов в первую очередь наиболее надежными являются источники, восходящие непосредственно к тому периоду. Но, к сожалению, таких источников, касающихся Скандинавии, не так уж и много, и мало того, что они неравноценны с точки зрения хронологии и истории, многие из них даже в наши дни с трудом поддаются расшифровке. Помимо этого необходимо учитывать и то, что в них могут содержаться сведения, вводящие в заблуждение, допущенные авторами намеренно или в силу их неосведомленности.

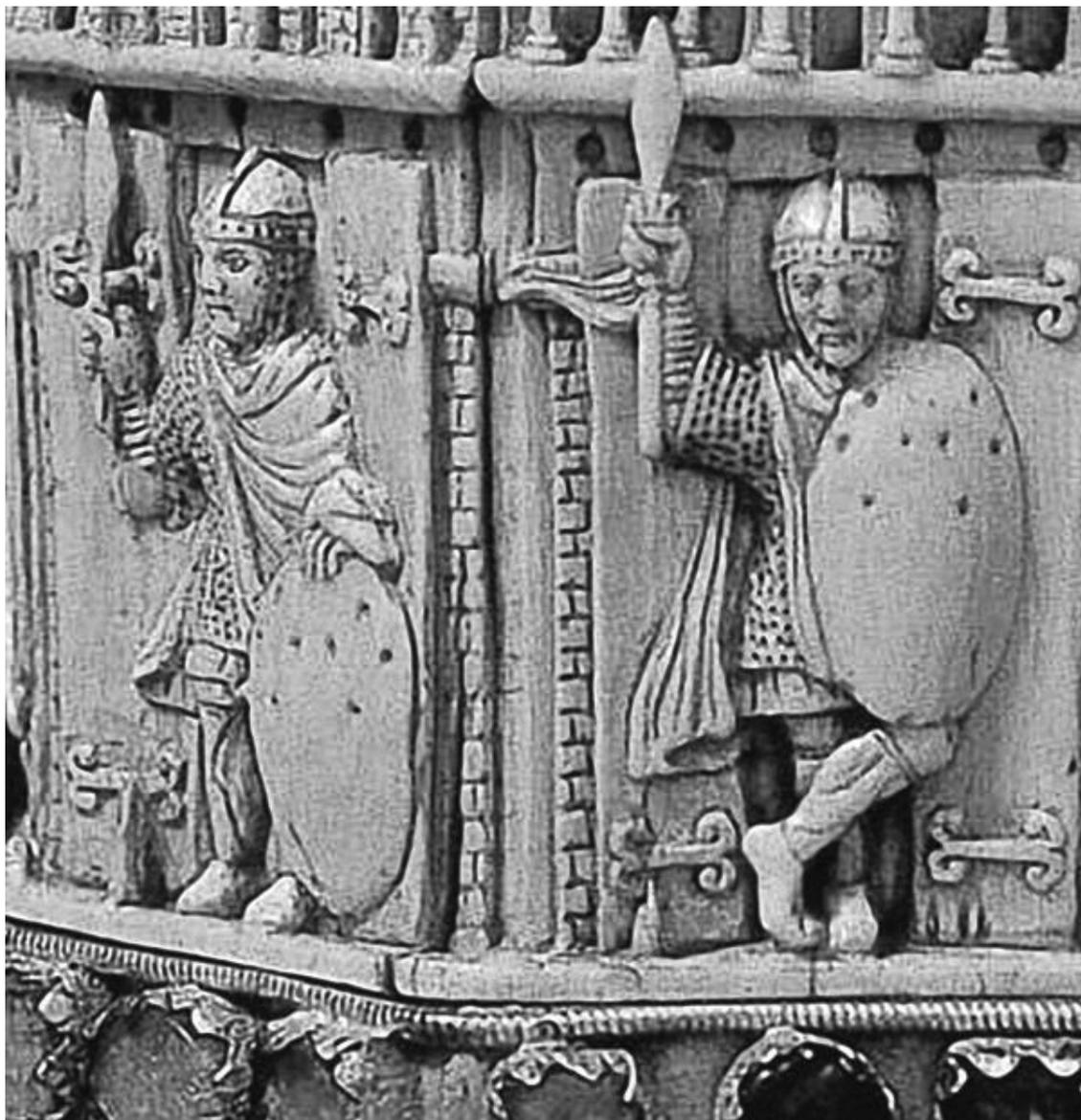
Западноевропейские конные воины сражаются на мечах (вполне возможно, что это скандинавы). Резьба по дереву (IX в.), Норвегия. Кстати, нечто самоочевидное исследователи викингов часто упускают из виду. Это тот факт, что скандинавы странствовали не только по воде, но и по земле, где их главным средством передвижения были кони, которые постоянно упоминаются в литературных памятниках и исторических источниках и останки которых находят в изобилии в языческих погребениях. В Исландии и теперь можно встретить вереницы нагруженных лошадей – эту наглядную иллюстрацию древнего скандинавского обычая. Летом ездили на телегах – хотя едва ли украшенных так же роскошно, как великолепные повозки, найденные в Усеберге и Гокстаде, возможно, предназначавшиеся для религиозных церемоний. Сани использовались в основном (хотя не исключительно) для зимних путешествий. Некоторые исследователи утверждают, что во многих случаях корпус просто переставляли с колес на полозья и назад, а при необходимости он превращался и в лодку. Скандинавам были известны лыжи и коньки (несколько пар коньков из свиных костей найдено в Бирке и в других местах). Прокладка и приведение в порядок дорог, особенно в болотистых местностях, равно как и строительство мостов, считались важнейшим и почетным делом. Нередко в честь человека, построившего мост, воздвигали мемориальный камень. Так, на камне, находящемся ныне в церкви Фьенслева (Зеландия), высечено: «Сазур вырезал этот камень и построил мост». Над-

пись из Калль-сторпа (Сконе) гласит: «Торкель сын Торда строил этот мост в честь своего брата Враги».

Если говорить о системе письменности, которая существовала в эпоху викингов в Скандинавии, то она состояла из 16 знаков – рун и применялась для написания сообщений на деревянных дощечках (из которых сохранились лишь немногие) и различных предметах и, что самое важное, для надписей на памятных, или рунических, камнях. Больше всего рунических камней (около 2500, включая небольшие фрагменты), относящихся к эпохе викингов и к раннему Средневековью, находится в современной Швеции, причем половина из них приходится на Упланд (область в Средней Швеции). В современной Дании насчитывается примерно 220 рунических камней, а в Норвегии сохранилось примерно 45 рунических камней. Кроме того, рунические надписи были обнаружены на местах поселений викингов на севере, юге, востоке и западе. Обычно сведения, содержащиеся в надписях на рунических камнях, менее обработаны, нежели те, которые содержатся в письменных текстах на пергаменте, хранящихся в архивах. Вместе с тем большая группа рунических камней, обнаруженных в Средней Швеции, также может дать достаточно полное представление о культуре, истории, общественно-политических условиях того времени как на родине викингов, так и за ее пределами.

Вооружение конных воинов Франкского государства. Западная Европа, VI–IX вв. На фото представлены: одноручный меч всадника (у пеших воинов мечи были несколько короче), длинный наконечник копья (так называемый втульчатый наконечник с крыльцами) и шлем (данный шлем принадлежал вождю франков, жившему в VI веке). Оружие, богатая одежда, конь, дорогие украшения, также как скот или корабль, были весьма желанными приобретениями в эпоху викингов; они представляли хорошо заметные внешне и очень важные черты образа успешного человека эпохи викингов и в то же время признаки его статуса. Из-за них совершалось много преступлений, они являлись объектами вооруженного грабежа и одновременно были очень ценными дарами, вручение которых означало приглашение к дружбе и призыв к верности. Традиция подобного дарения (конечно, всякий раз разного по размеру и ценности) была широко распространена в эпоху викингов. Такое дарение подтверждало обычно высокое общественное положение дарителя не только в глазах одариваемого лица, но и во мнении общества.

Фрагмент богато украшенной резной костью, полудрагоценными камнями и серебром емкости IX в. для освящения воды. Аахенская капелла. Показаны западноевропейские воины в полном тяжелом вооружении IX в. Защитное снаряжение состоит из клепано-сегментных шлемов, коротких кольчуг и овальных щитов.

Кстати, в ранних рунических надписях сами руны соседствуют с магическими знаками, очень похожими на наскальные ритуальные рисунки. Вырезая руны, резчик рун должен был уметь использовать их тайную силу, и именно в этом заключалось руническое искусство, так как изначально руны были тайным знанием, доступным лишь посвященным. До сих пор говорилось о «резчике рун», «руническом художнике» или о «тесальщике рун» (сравни «камено-тес»), в зависимости от того материала, с которым работал изготовитель рун. Но эти люди были не будничными ремесленниками или любыми грамотными людьми, а «понимающими» или «знающими», которые своими действиями превращали украшение в священный оберег. В Скандинавии они называли сами себя руническими мастерами. Многие позднейшие рунические надписи Скандинавии позволяют почувствовать, как гордились ими рунические мастера. Так, на камне из Фюрбю (после 1000 г.) читаем: «Этот камень установили два сведущие в рунах брата», а в одной надписи на Оркадах (около 1100 г.) стоит: «Вырезано человеком, искуснейшим в рунах к западу от моря». Правда, такими хвастливыми, как эти позднейшие рунические

мастера, древние не были. Так, на многих камнях находится формула рунического мастера: «Я, N. N., окрасил [руны]».

Конный воин с пленником. Рельеф на золотом сосуде из клада Надь-Сент-Миклош, конец VIII–IX вв. Показано полное защитное снаряжение европейского конного воина характерное для эпохи викингов. Воин облачен в кольчугу с короткими рукавами и подолом, достигающим колен, надетую поверх кафтана. Предплечья и голени воина защищают стальные наручи и наголенники, собранные заклепками на кожаной основе и имеющие шинную конструкцию. На голове воина надет невысокий сфероконической формы шлем сегментноклепанной конструкции, украшенной соколиными перьями. К подшлемнику, вшнурованному внутрь шлема, прикреплена бармица, полы которой в центральной части соединены посредством шнуровки. Из оружия показано только копьё с втульчатым наконечником. К древку копья у наконечника прикреплен флажок. Кроме копья воин в качестве холодного оружия мог использовать меч, палаш, саблю, кинжал и небольшой боевой топорик – чекан. А в качестве дополнительного защитного снаряжения воин в то время обязательно использовал щит круглой или, возможно, овальной формы, основа которого изготавливалась из дерева.

Для древних рунических мастеров было важно лишь удостоверить священное содержание. Все-таки на камне из Нордхуглена в Норвегии (около 400 г.) уже стоит надпись: «Я, годе (А), неспособный заколдовать». Кстати, в языке подобных надписей следует при этом учитывать то, что рунические мастера использовали словесные формы, принадлежавшие более древней эпохе, чем разговорный язык. К сожалению, до нас дошли лишь обрывки сведений, на основании которых современные исследователи рун и пытаются реконструировать руническую систему. Так, например, согласно древнескандинавской мифологии, чтобы познать тайну рун, Один повисел на Мировом древе – ясене Иггдрасиль – девять дней и девять ночей, пронзенный собственным копьём. Вот как об этом говорится в одной из песен «Старшей Эдды» – «Речах Высокого»:

Девять ночей я качался на дереве,
Под ветром повешен в ветвях,
Ранен копьём, в жертву Один отдан —
Себе же – я сам,
На дереве старом, растущем высоко
От неведомых миру корней.
Никто не давал мне питья и питания,
Взгляд направлял я к земле.
В стенаниях руны вознес в вышину я —
Долу упал я тогда.
Стал я расти и познания множить,
Здоровье и силы обрел,
Слово от слова на благо являлось,
Дело от дела рождалось чередой.
Руны найдешь ты, что в дерево врезаны,
С силой великой,
С силой целебной.
Высший Скальд их окрасил, и боги их создали,
И резал те руны властитель богов, —
Один у асов, и Дваин у альфов,
Двалин у карлов, у йотунов Альсвинн;
Многие резал и я.

А дальше идет очень важное предостережение:

Знаешь ли, как надо резать?
Знаешь ли ты, как разгадывать?
Знаешь ли, как надо красить?
Знаешь, как вопрошать?
Знаешь ли ты, как молиться?
Как приносить надо жертвы?
Знаешь ли ты, как закласть?
Знаешь ли, как сжигать?
Лучше совсем не молиться,
Чем жертвовать слишком усердно.
Награждений за жертву все ждут.
Лучше вовсе не резать, чем кровь лить без меры.

Не случайно до нас— даже в памятниках средневековой литературы – не дошли более подробные толкования рун и рунических заклинаний, хотя некоторые ученые – например С. Свириденко и Г. фон Лист – считают, что в той же песни «Речи Высокого» дается иноязычное описание восемнадцати рун магического ряда и символического их толкования:

Заклинания я знаю, что людям неведомы, —
Даже знатым и женам князей.
Имя первому: помощь – помочь оно может
От обид, и скорбей, и забот.
.....
И второе я знаю, тем людям полезное,
Что причастны искусству врачей.
Знаю третье я также, которым возможно
Врага волшебством оковать:
Иступиться заставлю оружие противника,
Не сможет разить его меч.
Мне известно четвертое – если мне свяжут
Гибкие члены враги:
Прошепчу я заклятье и буду свободен —
Узы снимутся с рук
И веревки с ног.
Знаю пятое я против стрел легкоперых,
Что недруг направит на рать;
Как бы живо ни мчалась – стрелу задержу я,
Едва лишь увижу ее.
Шестое известно мне – против кореньев,
Которыми вздумает враг мне вредить:
Мой недруг лихой, мою ненависть вызвавший,
Пострадает сам раньше, чем я.
Мне известно седьмое – пожар им уйму я,
Если вспыхнет чертог, еще полный гостей.
Как ни силен огонь, я смогу загасить его,
Слово мощное против пожара скажу.
Мне восьмое известно – немалую пользу
Принесло бы всем людям оно:
Если распря меж храбрыми вдруг разгорится —
Можно им мир водворить.
Мне известно девятое: в море шумящем
Мой корабль сохранит мне оно.
Усмирю ворожбою я бешенство бури,
И вернется волнам тишина.
Мне известно десятое – ведьмам на гибель,
Что по воздуху мчатся в ночи.
Околдую их так, что потом не вернуться
Им в жилища свои
И в обличья свои.
Я знаю одиннадцатое – для боя:
Я с ним провожаю в сраженья друзей.
Я в щит прокричу пред началом сраженья —

И здоровыми храбрые прынут на брань,
Воротятся здоровыми с бранных полей,
Все безбедно придут домой.
Я знаю двенадцатое – чтобы снялся
Повешенный с ветки мертвец:
Я чертить буду руны, их резать и красить —
И с дерева мертвый сойдет,
И со мною начнет говорить.
Я знаю тринадцатое – оно нужно,
Когда освящают младенца водой:
Заворожу я от смерти в сраженьях —
Сколько бы в бой ни ходил он, в бою не падет.
Я владею четырнадцатым: перечту я
Всех небесных свободно, чтоб людям их знать.
Имена назову я всех асов и альфов —
Это может лишь мудрый иметь.

.....
Я владею пятнадцатым; в доме у Деллингра
Пел его Тйодрэрир, карл искусный;
Асам мощь придавал он и карлам отвагу,
Мудрость вещую богу богов.
Я владею шестнадцатым; им я склоняю
Равнодушную деву к любви;
Околдую я чарами душу красавицы,
Изменю ее помыслы все.
Я владею семнадцатым: им охраняю я
От измены красавицы милой себя.
Все семнадцать заклятий, что назвал я,
Лоддфафнир, Будут век неизвестны тебе.
Хоть на благо себе ты услышал бы их и на пользу запомнил,
На счастье себе научился бы им.
Восемнадцатое заклятие я знаю,
Ни мужам я, ни женам о нем не скажу.
Всех ценнее то знанье, что знаешь один ты:
Я этим заветы свои заключу.
Той лишь разве откроюсь, с кем ложе делю, —
Или той, кто сестра мне родная.

Конница франков. Миниатюра из «Золотого Псалтыря» монастыря Святого Галла, около 883 г. На миниатюре показаны тяжеловооруженные конные воины франков, вооруженные копьями и луками. Хорошо видно защитное снаряжение конного воина, которое состоит из шлема с небольшими металлическими полями, щита и панциря. Панцирь, состоящий из нашитых на кожу пластин, по форме напоминающих рыбу чешую (пластины могли быть металлическими либо сделанными из плотной вываренной кожи), достигает колен воина. Знатные воины франков поверх панциря носили плащи.

В приведенных выше песнях говорится об основах рунической магии, а именно: в каждом конкретном случае стоит обращаться к одной руне или определенному руническому заклинанию, но делать это надо с большой опаской, ибо неправильное применение рун может

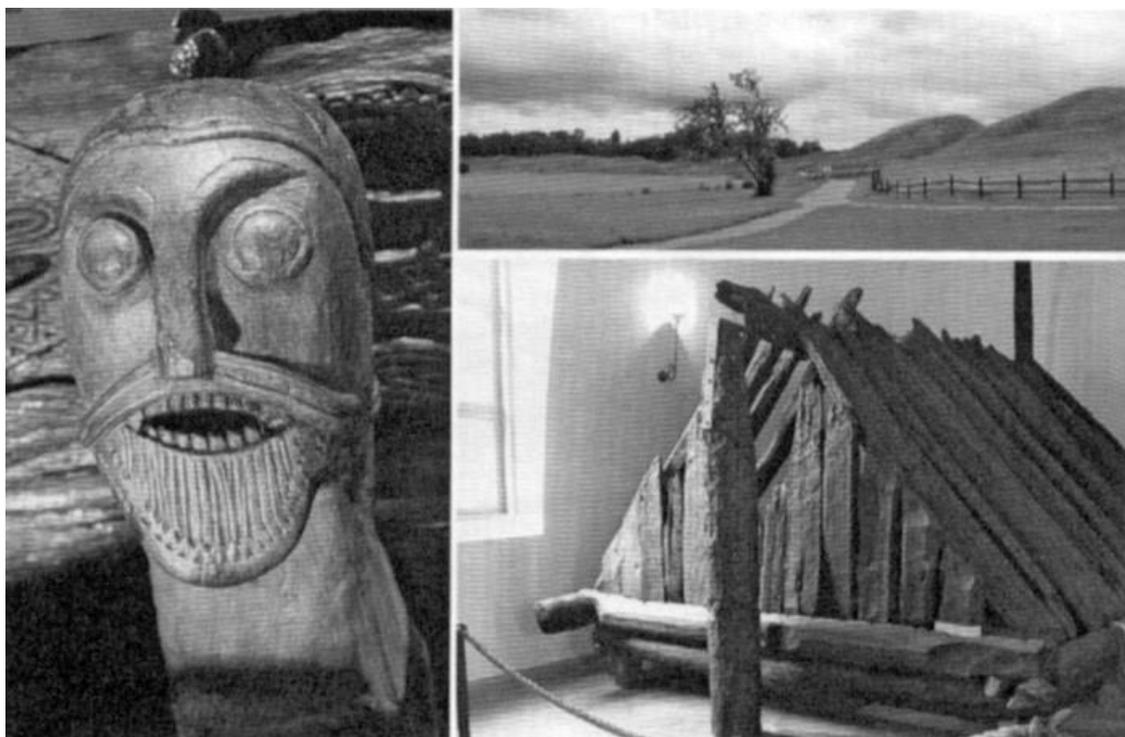
навредить. Пример такого «неосторожного» применения рун мы находим в древнеисландской «Саге об Эгиле». В ней рассказывается о Эгиле Скаллаgrimсоне, знаменитом скальде и знатоке рунического искусства. Так в постели одной больной девушки, которую он взялся излечить, Эгиль нашел рыбную кость с вырезанными на ней «неправильными» рунами, которые и послужили причиной болезни. Эгиль соскоблил руны, бросил их в огонь, а сам вырезал новые – «правильные» – знаки, положил их под подушку девушки, и та вскоре выздоровела. Кстати, «неправильные» руны иногда вырезали умышленно. Так, например, в «Саге о Греттире» говорится об одной женщине по имени Турид, которая вырезала на корне дерева руны, окрасила их своей кровью и прочла над ними заклинания. Именно от этих рун Греттир вскоре и скончался. Но, конечно, больше рунических надписей делалось с охранной целью. Особенно часто такие рунические надписи делались на рогах для питья меда или пива, и, как правило, рядом помещались и всевозможные рисунки. Эти рисунки, которые мы сейчас назвали бы лигатурами (руны на таких изображениях как бы вписаны друг в друга, и палочка одной руны служит одновременно частью другой руны), применялись в качестве охранительных— магических – знаков.

Конница франков. Миниатюра из «Золотого Псалтыря» монастыря Святого Галла, около 883 г. Впереди конного войска франков движется знаменосец, знамя которого представляет собой разукрашенную и позолоченную гибкую фигуру дракона, прикрепленную на длинном древке. Кстати, подобные изображения драконов имели на поле боя в X в. языческие племена саксов. О языческих драконах, отделанных золотом и драгоценными камнями, упоминается и в «Песни о Роланде». На христианских знаменах в то время были изображены в основном религиозные символы. За знаменосцем следует полководец в полном вооружении VIII века. Показаны шпоры и стремяна. Полководца окружают приближенные рыцари. Далее следует остальное войско, состоящее из конных воинов.

К сожалению, на данный момент многие надписи старшими рунами не поддаются расшифровке, что, собственно говоря, вовсе не удивительно, ибо, судя по всему, магические рунические надписи вообще не предполагались для прочтения. «Особенно очевидно это в тех слу-

чаях, – писал крупнейший скандинавист-медиевист профессор М.И. Стеблин-Каменский, – когда надписи сделаны на могильных плитах, зарытых в могилу надписью вниз... Именно так была зарыта... плита с самой длинной из всех надписей старшими рунами (Эггъя, Западная Норвегия). В этой надписи конца VII века есть, в частности, описание обряда, совершенного при захоронении. По наиболее правдоподобному из толкований надписи, обряд заключался в следующем: надпись была сделана ночью, чтобы на нее не попал солнечный свет, и не железным ножом, а каким-то особым ритуальным орудием; на камень были наложены запреты: его нельзя обнажать при ущербной луне, и злые люди не должны вынимать его из могилы; он был окроплен кровью, и ею были натерты уключины лодки, которая была потом потоплена... На плите, о которой идет речь, есть также изображение лошади. Известно, что лошадь играла важную роль в магии, а также в культе Одина. Вероятно, это изображение лошади тоже должно было служить оберегом могилы». Правда, тут необходимо отметить, что в эпоху викингов изображение или сравнение мужчины с кобылой были исполнены в скальдической и рунической магии большой отрицательной силы. Так, например, в законе «Гулатинга» прямо говорится, что если мужчина сравнивает другого мужчину с кобылой, или сукой, или самкой любого другого вида животного, то это признается словесной хулой, за которую должна быть выплачена полная вира.

Слева. Голова викинга, вырезанная на найденной из Усебергского кургана деревянной раме повозки IX в. Как и во всех прочих случаях, когда мы находим изображения викингов их современниками, этот викинг имеет усы и бороду. *Справа сверху.* Древние курганы викингов. *Справа внизу.* Двускатный деревянный шатер с Усебергского корабля викингов IX в.

Кстати, на рунических камнях часто вырезали формулы заклятия, например: «Тот, кто повредит этот камень, умрет или пострадает». Тем не менее до наших дней сохранилась масса свидетельств и о том, что наряду с применением рун в магических целях в древние времена они использовались в качестве средства передачи информации как тайного, так и явного. Так, например, Саксон Грамматик рассказывает, как Амлет (Гамлет) отправился в Англию в сопровождении двух приближенных, которым было доверено тайное послание, вырезанное на дереве: по словам автора, в древние времена дерево повсеместно использовалось для письма.

Еще одна голова викинга из четырех резных деревянных голов, вырезанных на найденной в Усебергском кургане деревянной раме повозки IX века. Обычно портретные изображения эпохи викингов весьма стилизованы, это же, однако, подлинно натуралистическое. Весьма ухо-

женный муж довольно высокого положения как будто настороженно взирает на нас из эпохи, между которой и нами пролегал по меньшей мере тысячелетие. Скорее всего, более правдивого облика северянина-скандинава и бонда мы не получим никогда.

Кстати, все остальные источники, восходящие непосредственно к периоду эпохи викингов, не считая, конечно, надписей на рунических камнях, в которых говорится о викингах, были созданы исключительно чужеземными духовными лицами, причем писали они об этом у себя на родине, и мало кто из них лично бывал в Скандинавии. Практически все эти тексты написаны на латыни. А поводом для их написания, как правило, служили политические и военные распри на южной границе Дании или усилия по обращению в христианство язычников Севера. Поскольку большая часть христианских миссионеров в ранний период эпохи викингов направлялась в Данию, то в этих письменных источниках преимущественно говорится именно об этой стране. Когда, например, во франкских анналах, относящихся к началу 808 года, упоминается, в частности, о том, что король данов Годфред хотел укрепить южную границу своих владений оборонительным валом от Балтийского до Северного моря, то за этим сообщением стоит тот факт, что король Годфред враждовал с императором Карлом Великим. Кстати, несмотря на интенсивные археологические поиски этого вала, его так и не удалось обнаружить.

а

ƒ ŋ þ r < x p n t i g l c y s t b m m i o w a
 f u þ a r k g w h n i j e p R s t b e m l n d o

б

Шведско-норвежский вариант ƒ ŋ þ r y t t i t ' t þ t t i
Датский вариант ƒ ŋ þ r y * t i t 4 t b y t k
 Звуковые значения f u þ ā r k h n i a s t b m l R
 y o ð æ r g y e æ d p
 y ø e nd mb
 w o ng y o a
 au nk j æi

в

ʌ b t t ƒ y * i ƒ y t t b r 4 t t n ƒ k a t t
 a b d e l g h i k l m n o p r s t þ u v y z æ ö

Руническое письмо: а — старшие руны (III–VIII вв.); б — младшие руны (IX–XI вв.); в — пунктированные датские руны (XI в.). Руническое письмо — алфавит, применявшийся у германцев со II–III вв. до позднего Средневековья. Вышло из употребления с распростране-

нием латинского письма. Знаки рунического письма руны вырезались преимущественно на металле, камне и дереве, отсюда их своеобразные заостренные начертания. Древнейшей считается надпись на наконечнике копья из Эвре-Стабю (Норвегия, около 200 г.). Состав алфавита и начертания рун с течением времени менялись. Различают старшие, или общегерманские, руны (до IX в., 24 руны) и развившиеся из них младшие, или скандинавские, руны. По первым шести рунам рунический алфавит называется «футарк» (йфагк). Известно около 150 старшерунических надписей (преимущественно в Шлезвиге, Ютландии и на Скандинавском полуострове, но также в других районах Европы) и свыше 3500 младшерунических надписей. Позднейшие модификации рунического письма в Скандинавии («пунктированные», «бесствольные», «дальские» руны) имели ограниченное применение. Особый вариант рунического письма – англосаксонские руны, бывшие в употреблении в Англии в VII–X вв. (до 33 рун). Старшие и младшие руны различаются как по функциям, так и по языку. Старшерунические надписи встречаются на оружии, украшениях, а с V в. также на камнях. Их язык, отличающийся большим единообразием и архаичностью, не может быть отождествлен ни с одним конкретным древнегерманским языком. Высказывалось мнение, что он является особым типом общегерманского койне (Э.А. Макаев). Старшие руны, видимо, применялись в основном в магических целях (ср. готское гйпа «тайна», древневерхненемецкое гйпбп «шептать»). Особую роль в надписях играют имена собственные и сакральная лексика, не всегда поддающаяся истолкованию. Встречаются надписи, состоящие из отдельных рун или воспроизводящие целиком рунический ряд. Младшерунические надписи являются памятниками древнескандинавских языков (древнешведского, древнедатского, древненорвежского). Это главным образом мемориальные надписи на камнях, состоящие из нескольких фраз, некоторые из которых верифицированы.

Рунный камень высотой 2,1 метра из Швеции, на пяти гранях которого вырезаны более 800 рун, восхваляющих короля Тиодрика (IX в.). Чаще всего надписи на скандинавских рунных камнях сообщают имена знатных людей и воинов, в память о которых они были высечены на камнях, и авторы их – обычно сородичи— подчеркивают благородство происхождения и славу этих людей, иногда и такие их качества, как щедрость, гостеприимство. Камни воздвигались детьми в память о родителях, отцами – в память о сыновьях. Многие надписи высечены от имени жен и дочерей – женщина занимала в скандинавском обществе эпохи викингов достойное положение. Среди умерших, упоминаемых в рунических надписях, большое количество неженатых молодых людей: они погибли на чужбине в викингских походах или утонули в море. Но нередко имеются указания на торговые цели поездок скандинавов в другие страны. Высокое общественное положение лиц, чьи имена встречаются в надписях, часто подчеркивается изображениями и орнаментом, которым украшены рунические камни. Здесь и звери, и птицы, и человеческие фигуры, и мифологические сцены, и корабли. Изображения часто раскрашивались, но краска не сохранилась. Больше всего надписей от языческой поры, во многих содержится обращение к богу Тору с призывом освятить руны. Упоминается и богатство, приобретенное воинами в походах, в том числе деньги, полученные от конунга Кнуда в Англии, корабли, дружины, ими возглавлявшиеся, ополчения народа, которыми они командовали. Нередки надписи, сделанные дружинниками в память о хёвдингах и конунгами – о своих верных сподвижниках. Некоторые камни с надписями служили как бы титулами собственности: в них упоминаются земли и усадьбы, принадлежащие отдельным лицам, имена тех, кто имел право их наследовать, причем среди наследников встречаются и женщины. Подобные камни ставились и на границах владений. Руны часто употреблялись в магических целях. Знание их было привилегией сведущих людей, знати, и рунические надписи на богато орнаментированных и раскрашенных камнях утверждали в глазах современников и потомков авторитет, высокое социальное положение, славу и богатство знатных родов викингов и могучих бондов. В отличие от поэзии скальдов, рисующей преимущественно дружинные и «придворные» круги общества, рунические надписи свидетельствуют о большом, возросшем к концу эпохи викингов общественном влиянии верхушки скандинавских бондов – зажиточных владельцев усадеб, связанных с торговлей и войной.

«В этих же источниках можно встретить сведения и о других Скандинавских странах. Так, например, сохранился рассказ хёвдинга Оттара, который поведал английскому королю Альфреду о своей жизни в Северной Норвегии, о своих богатствах и о путешествии морем до Хедебю в 890 году. Существует также запись о пребывании Ансгария и других христианских миссионеров не только в Дании, но и в Швеции в середине 800-х годов. Эта запись была сделана Римбертом, который стал архиепископом гамбургско-бременским после Ансгария и оставил нам жизнеописание своего предшественника. Среди его записок, в частности, есть повествование о жизни в большом городе Средней Швеции – Бирке. Дошел до нас также довольно пространственный рассказ о Скандинавских странах конца эпохи викингов, написанный немецким священнослужителем Адамом Бременским около 1075 года. Рассказ этот включен в его большой труд по истории гамбургских архиепископов «*Gesta Hammaburgensis Ecclesiae Pontificum*». К числу множества интересных сведений, сообщаемых магистром Адамом, относятся единственные, восходящие к тому времени описания знаменитой святыни свеев, скандинавского языческого храма в Упсале.

Письменных свидетельств относительно походов викингов на Запад и Восток гораздо больше, чем сведений о жизни викингов у себя на родине. Вместе с тем получить по этим источникам общее представление о ходе и характере викингской экспансии достаточно сложно. Некоторые достоверные источники дошли до наших дней, в то время как другие безвозвратно утеряны. Немаловажно также то, что письменная традиция существовала лишь в христиан-

ских и исламских регионах, то есть в Западной Европе, на Британских островах, в Византии и на Востоке. К тому же эти письменные источники неоднородны. Если у христиан сведения о Скандинавии и о викингах содержатся в анналах и некоторых исторических трудах, то у мусульман они встречаются в основном в географических трудах. При этом представления о викингах как о варварах характерны и для первой, и для второй группы источников – вот как описывает источники «эпохи викингов» в своей книге «Мир викингов» профессор Орхусского университета (Дания) Эльсе Роэсдаль, которая является одним из ведущих европейских ученых в области археологии и истории викингов.

Борреста́дский мемориальный рунный камень в Юттергерде, что в Упланде (Швеция), с руническими письменами по туловищу змея Нормунганда рассказывает о трех походах в Англию, совершенных в начале XI в. человеком по имени Ульф. Надпись гласит: «Карей и

Гербыерн повелели поставить сей камень в честь их отца Ульфа. Бог и Божья Матерь да спасите его душу. Ульф трижды брал датский выход в Англии. В первый раз поднес его Тости. Затем Торкел [Длинный]. Затем Кнут». Когда давал дань Тости, неизвестно, однако Торкел и Кнут расплачивались соответственно: первый в 1012 г., а второй – в 1016 г.

В целом можно сказать, что получить объективное представление об эпохе викингов и их экспансии непросто, поскольку отражение событий той эпохи в различных сочинениях древних авторов носит весьма односторонний характер. Так, например, авторов западноевропейских трудов редко интересуют поселения викингов в заморских странах, их образ жизни, торговля и мирное существование. Зато их внимание привлекают разбойные набеги викингов, убийства, опустошения, грабежи и вымогательства дани, военные и политические союзы. Именно об этом чаще всего повествуют источники того времени. Вот что рассказывает о первом появлении и первой жертве викингов «Англосаксонская летопись». Спустя четыре года, в 793 г. от Р.Х., состоялся хорошо известный набег на островной монастырь Линдисфарн: «Явились богомерзкие язычники и грабежом и убийствами осквернили церковь Божью в Линдисфарне». Как писал живший в ту пору ученый монах Алькуин: «Никогда прежде не творилось такого ужаса в Британии, что испытали мы теперь от безбожного племени. Никто и не мыслил себе такого нападения с моря, не знал, что оно возможно. Только взгляните на церковь Святого Кутберга, где всюду пролилась кровь священников, забрызгавшая украшения. Было ль место более благочтимое в Британии? И оно пало добычею язычников».

Рунный камень. Хиллерсье, Швеция. Надпись повествует о женщине, унаследовавшей поместье своей матери. Главной особенностью законов о наследстве у населения Скандинавии эпохи викингов был «одадь» – закон, касавшийся наследования земли. Согласно ему, владение родовым хозяйством принадлежало всей семье; после кончины отца его получал старший сын, однако он должен был выплатить своим братьям компенсацию за их долю в хозяйстве. Это предотвращало неэкономное деление владений и должно было заставлять младших сыновей искать себе новые земли, или расчищая целину, или отправляясь за море. В то же самое время, поскольку владелец мог продать землю (при условии, что он разделит цену с совладельцем

цами), эта система была менее жесткой, чем майорат. Другие участки земли, скот и серебро можно было разделить между ближайшими наследниками, и в кодексах законов даются детальные правила, определяющие порядок наследования и способ раздела. Необычайно сложные случаи запечатлевались на века; так, например, надпись на скале в Хиллерсье в Швеции (что на фото) объясняет, как женщина по имени Гейрлауг стала наследницей собственной дочери, вдовы, вышедшей снова замуж и унаследовавшей свою собственность от сына от первого брака: «Читай эти руны! Гейрмунд женился на Гейрлауг, тогда девице. Позднее у них был сын, а затем Гейрмунд утонул. Потом сын умер. Потом она взяла в мужья Гудрика... Потом у них были дети, и из них выжила только девочка; ее назвали Инга, и Рогнвальд из Сноттсы взял ее в жены. Потом он умер, и их сын тоже умер, и мать [Инга] стала наследницей своего сына. Потом Инга взяла в мужья Эйрика. Потом она умерла. Потом Гейрлауг унаследовала это наследство после своей дочери Инги. Поэт Торбьёрн вырезал эти руны». Этот рассказ служит подтверждением одной из особенностей общественной жизни викингов, отличавшейся исключительным для того времени либерализмом, – права женщин на владение собственностью.

В целом можно сказать, что англосаксонские источники демонстрируют крайне негативную картину эпохи викингов: викингов представляют здесь в лучшем случае как пиратов, язычников, варваров, а временами и в качестве грабителей, убийц, врагов христианского мира или же просто-напросто как дьявольское отродье. Рукопись «Жизнеописание короля Альфреда» Ассера, составленная, вероятно, ок. 893 года (Ассёр, ум. 908/909, – валлиец, монах монастыря Сент-Дэвидс в Диведе, епископ Шерборна (назначен в период с 892 до 900 г.), один из членов «придворного ученого кружка» короля Альфреда Великого), представляет собой отличный пример тех выражений, в которых англичане говорили о викингах. Так, автор рукописи Ассер, говоря о викингах, называет их не иначе как «ненавистное памяти полчище язычников» (*exosae memoriae paganorum exercitus*). К этому языческому аспекту обращались неоднократно и недвусмысленно, а у хрониста Этельверда, потомка королевской династии, жившего во второй половине X в. (он сообщает любопытные детали относительно военных кампаний Альфреда, которые, возможно, восходят к ныне утерянной, более подробной версии англосаксонской хроники), викинги прямо называются «нечестивейший народ» (*plebs impiissima*), что неудивительно, поскольку в это время скандинавы еще не были крещены и вели себя по отношению к англосаксам отнюдь не по-христиански. Этельверд лично познакомился с будущим норвежским королем Олавом Трюгвасоном в 994 г., когда находился в качестве дипломата на службе у епископа Эльфхеаха Винчестерского. Его хроника, написанная вскоре после 1000 г., дает нам одну из самых выразительных характеристик викингов: «мерзейшие из всех людей» (*plebs spurcissima*), «нечестивый народ» (*plebs immunda*), «грязная зараза» (*lues immunda*). Этельверд называет короля Олава «их зловонным королем» (*rex foetidus*) – довольно крепкое выражение по отношению к человеку, которого вскоре чуть не канонизировали. Тем не менее привычная терминология Этельверда— это язычники и варвары. А вот что рассказывают о викингах традиционно менее известные, чем англосаксонские источники, франкские источники. Так, Гильдесгеймские и Кведлинбургские анналы в 994 г. в своей обычной сухой и сжатой манере сообщают, что сыновья герцога Генриха, а именно Генрих, Удо и Зигфрид, по приказу императора вышли на бой против викингов. Эти краткие сведения приобретают некоторую живость благодаря детальным сообщениям германского хрониста Титмара Мерзебургского (975-1018 гг.), приведенным в его хронике (до 1018 г.). Нападение викингов затронуло Титмара самым непосредственным образом, поскольку трое упомянутых братьев были его дядьями по материнской линии. Он описывает, как 23 июня 994 г., когда он еще проходил обучение при кафедральной школе в Магдебурге, упомянутая тройка выступила в морской поход против викингов. В последующем сражении дядя Удо был убит, а остальные двое попали в плен и подлежали выкупу за крупные суммы денег. Получив часть выкупа, викинги

освободили Генриха и герцога Адальгера, но оставили в качестве заложников их сыновей, дабы таким образом ускорить сбор оставшейся суммы. Зигфрид не был отпущен, поскольку не имел сыновей, и для его освобождения Зигфриду, племяннику ранее упомянутого Зигфрида, т. е. родному брату Титмара, предстояло отправиться к викингам в качестве заложника. Поскольку младший Зигфрид не получил от своего аббата разрешения на поездку, будущий хронист Титмар должен был занять его место. Однако он появился слишком поздно, так как в то время дяде Зигфриду удалось бежать из плена. Викинги были так раздосадованы его подвигом, что бросили в реку оставшихся заложников, кузенов Титмара, а также сопровождавшего их священника, предварительно отрезав им носы, уши и руки, а сами отплыли восвояси. Нет ничего удивительного в том, что Титмар Мерзебургский в своем сообщении не слишком благосклонен к викингам. Действительно, строки о проклятых пиратских ордах (*Chron. IV, 24: Execrata vero piratarum turba*) не позволяют нам усомниться в его подлинных чувствах. Позиция Титмара в целом демонстрирует нам общее содержание франкских анналов, даже если их авторы, как правило, и выбирали более сдержанные средства выражения, лучше отвечавшие этому жанру. Надо отметить, что в XI в. германские историки становятся более беспристрастными (прозаичными) в описаниях викингов. Правда, в «Деяниях епископов гамбургской церкви», завершенных в 1072 г., Адам Бременский все еще ссылается на скандинавов, уже крещенных и принадлежавших к той же гамбургско-бременской епархии, что и его хозяева, как на «северных людей, самый необузданный народ» (*Nordmannos, gentes ferocissimas*).

Кстати, и в некоторых образцах скандинавской литературы средневекового периода обнаруживаются тенденции, общие с англосаксонской и франкской литературой эпохи викингов. Как бы то ни было, в агиографической литературе (*Heilagra manna sögur*) слово «викинг» (*víkingr*) имеет вполне ясное значение – «пират, грабитель» – и, таким образом, употребляется в крайне негативном смысле. Даже латиноязычные исландские анналы и то не особенно доброжелательны в оценке викингов, хоть и исключительно немногословны и сухи даже для жанра анналов, однако подобное отношение становится менее убедительным, если мы вспомним, что они представляли собой лишь средневековую компиляцию из других иностранных источников.

Но помимо негативного образа викинга в агиографии во многих образцах средневековой скандинавской литературы присутствует иное, малосодержательное и вполне нейтральное изображение викингов как морских воинов, где слово «викинг» относится к человеку, отправляющемуся в летние викингские рейды в южные чужие страны. Подобный образ превалирует в сагах об исландцах, т. е. в классических исландских родовых сагах, действие которых разворачивается по преимуществу в эпоху викингов. Говоря об исландских сагах, можно сказать, что во всем корпусе исландских саг и прядей, т. е. более кратких произведений, присутствует 144 ссылки на викингов и 39 упоминаний *víking* как состояния викингского похода. Нет смысла приводить здесь все 144 примера, поскольку при знакомстве со всеми отрывками становится ясно, что во всем корпусе, рассмотренном в определенном контексте, упоминания о викингах можно распределить по четырем основным категориям, с которыми традиционно и работают исследователи. Первая, хоть и не самая многочисленная категория, всего 14 % – это викинги как предки. Вполне естественно, что они встречаются во вступительных главах саг и, как правило, в связи с характеристикой героя, среди предков которого были викинги. При обращении к первым главам «Саги о Греттире», «Саги об Эгиле», «Саги о Вига-Глуме» или «Саги о Золотом Торире» чаще всего выясняется, что главный герой повествования испытывает проблемы с социальной адаптацией. В эту же категорию входят и те случаи, когда термин «викинг» используется в качестве псевдонима. Вторая категория — это викинг — герой повествования в его юные годы. Упоминания викингских походов, пришедшихся на юность героя саги, также играют функциональную роль и крайне стереотипны: в юности он был викингом, затем обратился к более почтенным занятиям, т. е., как правило, стал поселенцем и земледель-

цем в Исландии; например: «Первую половину своей жизни Хавард был великим викингом и очень храбрым воином, но получал по ране в каждом сражении, в котором принимал участие; он был ранен под коленную чашечку и с тех пор всегда хромал». Перед нами вполне очевидное литературное клише, поскольку, судя по исландской историографии, предки исландских поселенцев потеряли свои земельные владения в Норвегии и, как следствие этого, были вынуждены перебраться в Исландию, но отнюдь не являлись удачливыми в сражении викингами. Во многих случаях сюжеты с предками-викингами и викингскими походами как занятием, собственным герою в юности, совмещаются. Третья категория – это викинг как временное занятие. Несколько примеров демонстрируют, что викингские походы в глазах автора XIII в. не выглядят как греховные забавы молодежи, но являются вполне законным временным занятием норвежского земледельца (фермера). Такие «частично занятые» земледельцы отправлялись на одно лето или на несколько летних сезонов в викингские походы – либо за собственный счет, либо поступая на краткий период своей жизни на службу к конунгу. Даже если этот сюжет и играет определенную художественную роль в повествовании, его можно рассматривать в качестве реминисценции на самом деле имевших место в тот период событий и, таким образом, как адекватное отражение эпохи викингов в средневековой скандинавской литературе. В подобные походы могли отправляться как в летнее время, так и на более продолжительный срок, будучи на службе у конунга. Четвертая категория— это чужеземные, иногда безымянные викинги как испытание для героя. Действительно, наиболее частые упоминания викингов обнаруживаются в сюжетах, повествующих об испытаниях, выпавших на долю героя. В сагах об исландцах это, как правило, испытание оружием, описанное либо в виде поединка, либо, что еще чаще, в виде морского сражения с другими викингами, происшедшего во время путешествия в чужие страны. К тому же имеется несколько отрывков, где социальная правоспособность главного героя, его качества вождя подчеркиваются благодаря демонстрации того, как он успешно избегает угрозы со стороны викингов. Такой скрытый акцент, по-видимому, объясняется следующим образом: в самой Исландии практически не было шанса встретиться с настоящими викингами, и авторам приходилось переносить место действия, изображая подобные встречи в морях к югу от острова. В целом описание викингов из этой категории почти исключительно негативное; их склонны изображать скорее как берсерков, которые также встречаются в этих литературных произведениях и которым отводят сходную роль испытателей героев. Из 83 упоминаний берсерков 29 известны по двум отрывкам из двух разных саг (20 в одной сцене из «Саги о Греттире» и 9 в «Саге о Вига-Глуме»); там и в четырех других сагах «berserkr» неоднократно употребляется в качестве синонима для *víkingr*: а) в поединке и т. п.; б) в морском или ином сражении; в) как избавитель от викингов.

Помимо использования викингов как явно стереотипных персонажей, авторам саг в некоторых случаях удается дать им характеристику, акцентировав внимание на их нраве: «Их рулевого звали Храппен. То был скрытный человек, могучего телосложения и неуживчивого нрава. Он был не прочь прихвастнуть, побывал во многих викингских походах и очень любил оружие и одежду». Или авторы достигали схожего эффекта посредством описания одеяния викинга: «Мужчина поднялся на драккар и подошел к борту; на нем был темно-красный кафтан и поверх него иссиня-черный плащ, а на голове— шапка, украшенная тесьмой». В сагах об исландцах уже прослеживается определенная тенденция к романтизации и идеализации. Здесь я отсылаю к некоторым текстам, повествующим о летних экспедициях, в течение которых герои сражались лишь против преступников и викингов, а земледельцев и купцов отпускали с миром – надо признаться, христианский, но не особенно убедительный вариант. Для классификации викингов в сагах об исландцах этих примеров вполне достаточно; схожая ситуация обнаруживается в историографической литературе Скандинавии – как в латиноязычной, так и в древне-скандинавских версиях. В своей «Хеймскрингле» – в отличие от «Саги об Эгиде» – Снорри Стурлусон вообще избегает использовать термин «викинг», однако его герои все же отправля-

ются в викингские походы. В латиноязычной «Истории о древних норвежских королях» монах Теодорик называет ранее упомянутого короля Олава Трюггвасона блаженным, но в его молодые годы именуется его пиратом. Столь же двусмысленна характеристика Свейна Аслейфссона в гл. 105 «Саги об оркнейцах», псевдоисторического произведения об Оркнеях, где описание викинга иллюстрирует все прежде приведенные случаи: «Когда Хакон был еще молод, Свейн Аслейфссон предложил взять его на воспитание, и с этой целью он отправился на Гаисей. Как только он возмужал, Свейн стал брать его каждое лето в викингские походы, дабы он заслужил к себе уважение. Каждую зиму Свейн сидел на Гаисее, где у него было 80 мужей и самый большой пиршественный зал на Оркнеях. Весной у него прибавлялось работы, потому что он сеял много зерна себе на пропитание; а потом он отплывал на Гебриды или в Ирландию и брал все, что мог, вплоть до середины лета. Он оставался дома до окончания жатвы, а затем ранней осенью отправлялся в новый викингский поход вплоть до начала зимы». Данный отрывок представляется вполне позитивным описанием, однако оркнейский ярл советует герою отказаться от викингских экспедиций (грабительских рейдов), и когда Свейн в конце концов погибает во время разграбления Дублина, создается впечатление, что мы имеем дело со скрытым осуждением образа жизни викинга. В XIII веке в сагах об исландцах и в местной историографии викинг становится клишированным персонажем, поскольку «викинг» здесь, как правило, имеет значение «морской воин», но в определении викинга как противника по-прежнему присутствует отчетливо негативный оттенок. Однако викинг как предок или викинг как временное занятие главного героя подразумевают явно более позитивную оценку.

Совершенно иную картину представляет другой жанр древнескандинавской литературы, а именно гораздо менее известные и плохо изученные саги о древних временах, которые в средние века все без разбора получили известность как «лживые саги», что подразумевает полное отсутствие у них каких-либо претензий на правдивость или реалистичность. Но это не совсем так, так как эти саги, многие из которых, хоть и записанные позднее, все же дают нам сведения о личностях, событиях и культурно-исторических условиях эпохи викингов, одновременно являясь образцами своеобразной, сложной и увлекательной поэзии скальдов. Эти саги представляют собой удивительный сплав вымысла и реальности при отображении многих знаменательных событий эпохи викингов, а также культуры и истории того времени. И даже если фон, хронология событий и их содержание могут быть переданы неточно или ошибочно, а кое-что добавлено в угоду занимательности, тем не менее многие саги, если их рассматривать как произведения литературы, каковыми они, в сущности, и являются, безусловно, содержат ту меру реальности, которая вообще возможна при реконструкции этой эпохи в наши дни. Можно сказать, что саги были близки к происходившим событиям и к тому же создавались в то время, когда идеалы и жизненные ценности их создателей были во многом созвучны с эпохой викингов. Поэтому все же не следует упускать из виду тот факт, что саги о древних временах, вопреки их средневековому определению как «лживых саг», содержат удивительный пласт реминисценций эпохи викингов (в основном топологического свойства), что также свидетельствует о ранней идеализации эпохи викингов в современной ей литературе, и не только в скальдической и героической поэзии, но даже в рунических надписях и в латинских текстах.

Вот как описывается в книге «Викинги. Мореплаватели, пираты и воины», составленной коллективом авторов (Р. Шартран, К. Дюрам, М. Харрисон, И. Хит), почему викингов изображали как «кровожадных варваров-язычников»: «Образ викингов как кровожадных безбожников берет начало в известной уже и тогда концепции «варваров с севера». В глазах античных авторов, живших в странах Средиземноморья, мир просто и удобно делился на две части: жаркий, сухой, яркий и цивилизованный юг, с одной стороны, и с другой – холодный, сырой, темный и далекий варварский север. Первым намеком римлянам относительно нарушения гармонии и баланса стало продвижение в Южную Галлию примерно в 100 г. до Р.Х. племен кимвров и тевтонов. Римляне осознавали, что пришельцы происходят с Датского полуострова, однако

нервный центр смертельной угрозы для империи располагался еще севернее. В итоге погубившие Рим остготы и вестготы описаны готским хронистом VI века, писавшим на латыни Иорданесом, как этакие экономические беженцы с перенаселенного балтийского острова Готланд.

Руны на нижней поверхности этого ковчежца VIII или IX в. гласят: «Сия шкатулка принадлежит Райнвейг». Вероятно, реликвия стала добычей грабителя-язычника, чья жена по имени Райнвейг присвоила шкатулку себе; впоследствии ковчежец вновь использовался при отправлении церковных обрядов. Внутри по-прежнему находятся мощи.

Скандинавский аспект варварской угрозы пережил крушение Римской империи. Франки, создавшие государство на обломках великой державы и унаследовавшие многие римские традиции, постепенно обнаружили, что угроза с севера актуальна и для них. Экспедиция Гюгелака Гета в Рейнскую область, упомянутая франкским автором VI века Григорием Турским и в принадлежащей неизвестному автору поэме «Беовульф», в которой рассказывается о событиях VI века, но написанной, вероятно, двумя столетиями позднее, по всей видимости, событие, если можно так сказать, одиночного характера. Когда каролингские короли овладели Центральной и Северной Германией, вследствие чего оказались перед южными рубежами ареала распространения скандинавских, или датских, поселений, викинги сразу же вошли в анналы истории, внося в нее неожиданно длинный кровавый след».

Богато украшенная страница из латинской рукописной копии Евангелия от Матфея из Кентербери (известная как «Codex Aureus»), на которой хорошо видны заметки на староанглийском языке, сделанные в начале и в конце страницы. У викингов существовало много способов обогащения, в частности, немалые деньги можно было получить в порядке выкупа. На полях роскошной, богато иллюстрированной копии четырех Евангелий (на фото), выполненной английскими монахами в Кентербери, была обнаружена надпись, которую по стилю и почерку можно отнести к англосаксонской письменности IX в.; она гласит: «Я, граф Альфред, и Верберг, моя супруга, выкупили эту книгу у орд язычников за собственные деньги, уплатив им чистым золотом, свершив сей поступок во имя любви к Господу нашему и во спасение наших душ, а равно и потому, что мерзко было нам оставлять сию священную книгу в непотребных руках».

В наше время большинство людей, рассуждая о викингах, в первую очередь представляют себе их боевые корабли, которые являлись величайшими шедеврами кораблестроения, а самих викингов – вооруженных мечами и топорами, нападающих на какое-то прибрежное поселение лишь по той причине, что именно свои набеги они и воспевали в собственной литературе. Но было бы неверно предполагать, что общество викингов было менее сложным, чем освященное традицией и обособленное христианское общество, которое они разоряли. Так, например, Вульфстан из Йорка в своей проповеди к англичанам, когда «большинство их преследовалось данами», находит совершенно неестественным, что «если серв ушел от своего лорда к викингам, перешел из христианства в язычество, встречая своего господина в сражении, убивает его, ему не нужно платить вергельд родственникам бывшего господина; а если бы его прежний господин убил серва, он должен был заплатить вергельд за него, как если бы тот был свободным человеком». Тот факт, что значительно большее число свободных людей проживали в «Области датского права», чем в остальной Англии, по данным «Книги Страшного суда», предполагает, что основной характеристикой культуры викингов (во всех случаях их столкновения с другими обществами) была мобильность – не только географическая, но и социальная. Своими достижениями в области кораблестроения, навигации и торговли викинги, кажется, более обязаны технологии, чем цивилизации, а типичное описание норманнов в «Речах Высокого» не является чересчур романтичным и может представляться несоответствующим героическому образу скандинава:

Глупый надеется
Смерти не встретить,
Коль битв избегает,
Но старость настанет —
Никто от нее
Не същет защиты.

(Речи Высокого, 16)

или

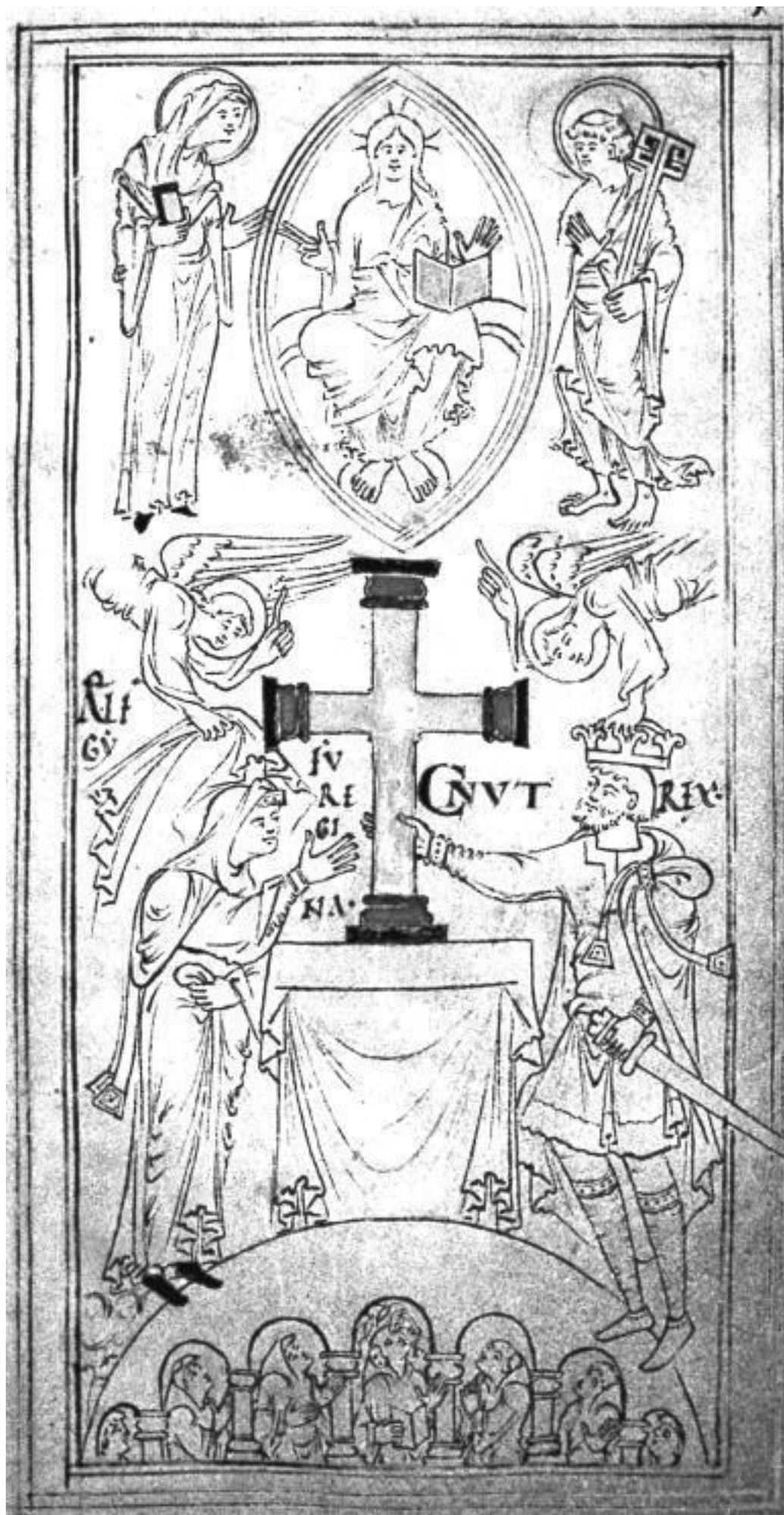
День хвали вечером,
Жен – на костре,
Меч – после битвы,
Дев – после свадьбы,
Лед – если выдержит,
Пиво – коль выпито.

(Речи Высокого, 81)

Эти суровые описания, содержащиеся в «Речах Высокого», соотносимы с эпохой викингов в большей степени, нежели уже слегка формализованный героизм некоторых персонажей саг, таких, как, например, Гуннлауг или Гуннар. Кстати, подобный подход к описанию героев появился в сагах, поскольку те были записаны более поздними почитателями эпохи викингов, и поэтому оказались столь близки по духу переводчикам XIX века. Но разумное и осторожное использование письменных источников в какой-то степени делает для нас возможным составить свое представление об идеях и целях людей, живших и действовавших в эпоху викингов. С другой стороны, этот период времени часто представляется исследователями как некий необъяснимый взрыв человеческой энергии, сила которого в течение трех веков вела скандинавов через моря известного в то время мира, оставив после себя несколько топонимов,

диалектных слов и героические истории, сюжеты которых столь последовательны, что заставляют нас говорить об оригинальном, и поэтому легкоузнаваемом, стиле и духе.

Изучая эпоху викингов, необходимо помнить, что территории основных Скандинавских стран в это время отличались от современных. Так, в эпоху викингов к Скандинавии относились открытые и в разной мере постепенно колонизованные – преимущественно норвежцами – острова Северной Атлантики: Исландия, откуда викинги затем двинулись в Гренландию (еще с III в.), Лабрадор, Фарерские, Шетландские, Оркнейские (в начале VIII в.), Ньюфаундленд и Гебридские. Так, по свидетельствам саг, почти до конца эпохи викингов западная область современной Швеции – Емтланд – принадлежала Норвегии, и Норвегия же претендовала на западногетские земли, которые довольно регулярно платили дань норвежским конунгам. Юг Скандинавского полуострова— области Блекинге, Сконе и Халланд – принадлежали тогда Дании; остров Готланд относился к Швеции довольно условно. В целом можно сказать, что Швеция в эпоху викингов была территориально меньше, чем когда-либо еще в своей истории, а Норвегия (учитывая захваченные викингами острова) и Дания, еще владевшая всей Ютландией и южными областями Скандинавского полуострова, – много больше. Кстати, богатые захоронения и другие открытия археологов, особенно результаты раскопок ранних городов, свидетельствуют о широких торговых и, скорее всего, также династических связях Дании, во всяком случае Ютландии, с континентом. Дания, единственная из Скандинавских стран целиком равнинная, слегка всхолмленная страна, с мягким климатом, издревле стала краем земледельцев, которые следовали общинным распорядкам континентального типа. В более суровых Норвегии и Швеции, где всхолмленное побережье изрезано длинными, извилистыми, глубоко внедряющимися в сушу заливами – фьордами, с их обрывистыми берегами, и усеяно скалистыми мелкими островками-шхерами, датчане слыли «южанами». Так природные условия, близость к передовым странам континента и расположение на важных торговых путях способствовали динамичному развитию Дании в Средние века.

Благочестивые викинги. Король Кнут с женой, Иммой Эльфгифю (вдовой Этельреда Неспособного), воздвигают золотой крест в церкви в Нью-Минстере, что в Винчестере. Разворот титульного листа «Книги жизни», реестра аббатства Нью-Минстер-энд-Хайд, около 1020–1030 гг. Обратите внимание на меч в левой руке короля. Это типичное оружие эпохи викингов – так называемый меч каролингского типа. Каролингский меч, или меч каролингского типа (также нередко обозначается, как «меч викингов»), – современное обозначение типа меча, широко распространенного в Европе в период раннего Средневековья. Введено оружейниками и коллекционерами оружия XIX–XX вв. Сам тип меча выработан около VIII в., на излете эпохи Великого переселения народов и в начале объединения государств Западной Европы под эгидой Карла Великого и его потомков, чем и объясняется название типа меча («относится к эпохе Каролингов»). Предположительно меч каролингского типа является развитием античной спаты через промежуточное звено – меч вендельского типа, он же так называемый «меровингский» меч или меч периода Великого переселения народов. Каролингские мечи отличались широким обоюдоострым клинком (ширина клинка обычно составляла 5–5,6 см у гарды) длиной около 90 см с глубоким и широким долом и эфесом с прямым нижним краем (в среднем общая масса меча составляла около 1 кг). Такой эфес меча позволял воину наносить только мощные плечевые удары. Мечи воины носили на перевязи, поверх кольчуги, а иногда и под ней (для того чтобы носить меч под кольчугой, в ней делался специальный разрез, из которого наружу торчал только эфес меча). КХ в. меч каролингского типа широко распространился в странах Северной и Западной Европы, в особенности во франко-кельтских, скандинавских и славянских регионах. Древнеславянские каролингские мечи по конструкции от древнегерманских практически не отличались. Мечи каролингского типа производились и в одном из ремесленных центров Древней Руси. Кстати, каролингские мечи находят не только в христианских землях, но и в мусульманских. Во второй половине XI в. меч каролингского типа эволюционировал в классический «рыцарский меч».

А вот шведы господствовали на балтийских торговых путях между Атлантикой и Восточной Европой. Поэтому здесь уже в первые века появились торгово-ремесленные центры (особенно на островах Готланд и Эланд), а позднее и ранние города, связанные с трансевропейской торговлей; они развились с VIII в., когда средиземноморские пути на Восток были перекрыты в ходе арабских завоеваний и был разработан известный северный маршрут – путь «из варяг в греки».

Этнокультурный состав скандинавских народов был достаточно гомогенным. В эпоху викингов там проживали около тридцати северогерманских племен. Этнокультурное и религиозное родство, прямое соседство, сходство занятий, общественного развития и менталитета позволяют рассматривать Скандинавский регион как историко-культурную общность, каждый из членов которой при этом обладал также и своими, только ему свойственными чертами. Малочисленные скандинавы, разбросанные по значительным территориям, живущие среди скал, болот и пастбищ (за исключением Дании), занимались в меру возможностей экстенсивным земледелием, очень широко – пастушеством, максимально использовали плоды леса и особенно моря, доступность которого пронизывала всю их жизнь. А как морские народы во всей полноте этого определения скандинавы имели в своем распоряжении еще и незамерзающие Северное и Балтийское моря, бескрайнюю Северную Атлантику с теплым Гольфстримом. Длинные береговые линии со многими глубокими заливами издревле служили основными местами поселений и стоянок. Море защищало скандинавов и объединяло их: ведь в ранние эпохи принятое тогда каботажное путешествие по воде было гораздо удобнее, безопаснее и дешевле, чем сухопутное. Море и призывало скандинавов к морским странствиям.

У скандинавов к эпохе викингов и на ее первом этапе господствовали триединые или трехчастные общества, в которых были представлены знать с королем/вождем во главе, масса

свободных общинников и рабы; это было характерное для стадии варварства социально-правовое членение, отмеченное у северных германцев, как известно, еще Тацитом. В рассматриваемый период это развитое варварское общество соседствует с богатыми земледельческими народами континента, о которых мореходы-скандинавы знают не понаслышке. Так, писатель VI века Григорий Турский в своей «Истории франков» (кн. III) свидетельствует о нападении короля геатов (гетов) на франкские земли— сюжет, повторенный затем в поэме о Беовульфе. К VII веку юты, англй, фризы и саксы образовали в Британии группу варварских англосаксонских королевств. Присутствие данов во Франкском государстве Карла Великого зафиксировано «Песнью о Роланде». Поэтому опыт освоения достаточно культурных территорий и создания там политических образований под своей властью у скандинавов уже имелся. А превосходные мореходы-норвежцы издревле доплывали до Оркнейских, Фарерских и Шетландских островов, в VII–VIII веках освоили и начали заселять эти пустынные острова. Они облагали данью саамов, а шведы – куршей и другие балтские и славянские племена Восточной Балтии и побережий Финского залива. Кстати, для стадии военной демократии, особенно у народов с сильно развитым (тем более преобладающим) скотоводством, включение в свой образ жизни военной экспансии вполне характерно. Набеги, колонизация и грабеж пополам с торговлей не могли не стимулироваться у северных германцев таким обстоятельством, как привлекательность европейских богатств на фоне своей скудости, особенно для усиливающейся знати. В числе внутренних факторов их широчайшей экспансии следует, видимо, назвать также развитое мореходство, относительное перенаселение годных к освоению территорий в связи с демографическим ростом во время потепления, которое продолжалось с VIII до XIII века. Рост населения порождал даже трудности с использованием угодий, прежде всего нехватку – в тех условиях – мест, пригодных для внутренней колонизации. Многочисленные исторические свидетельства разных эпох указывают, что Скандинавия периодически страдала от перенаселения и нехватки земель. Применительно к эпохе викингов развернутый анализ этой проблемы дает И. Стейнструп в своей многотомной «Normannerne». Горы, море, темные зимы и холодный климат серьезно мешали развитию земледелия и скотоводства. Но при том на Скандинавском полуострове – в отрезанных от остального мира и открытых всем ветрам северных землях – жил сильный и плодovitый народ, численность которого на протяжении VII–X вв. существенно выросла. Этому способствовали в том числе и местные обычаи, хотя свидетельства письменных источников о том, что на севере практиковалось многоженство, едва ли следует верить. То, что мужчинам нравилось развлекаться с девушками, сожительницами и любовницами и те, кто мог себе это позволить, часто покупали себе женщин, еще ни о чем не говорит. Адам Бременский пишет, что шведские конунги, которые в силу своего положения могли содержать двух или трех богатых и высокородных жен, охотно этим пользовались. Поэтому нет ничего удивительного в том, что у Харальда Прекрасноволосого было по крайней мере девять сыновей, доживших до зрелого возраста; у Эйрика Кровавая Секира – восемь, и каждого из них требовалось как-то обеспечить. Влиятельные люди заключали брачные союзы, а если хотели, заводили еще сожительниц. Каждый мужчина, кроме разве что последних бедняков, радовался рождению сына. Чем больше сыновей – тем лучше, ибо это считалось подтверждением мужского достоинства; при жизни отца сыновья помогали ему и исполняли его повеления, и в них даже больше, чем в песнях и мемориальных камнях, оставалась память о нем. Но сыновей надо было содержать и в первую очередь – кормить. В какой-то момент сыновей херсиров и бондов оказывалось слишком много и «прочь должны были они уйти, ибо земля не могла вместить их». Младшие отпрыски знатных и богатых родов всегда служили орудием верховной власти, а в Скандинавии их хватало. Поэтому многие исследователи считают, что именно неделимость одаля (одаль – означает наследное имение, родовую усадьбу, неотчуждаемое имущество) в большей степени стимулировала походы викингов. Действительно, не получивший имения родич не был больше привязан к наследственной земле, к своей подлин-

ной родине (именно такое значение имеет древнеанглийское слово эдель – др. – исл. одаль – в «Беовульфе») и, получив по разделу движимое имущество, он мог отправиться в дальние страны, в викингский или торговый поход. Причем это необязательно был, как утверждал профессор Гуревич, неженатый младший сын. Так, в «Саге о Хравнкеле, годи Фрейра» сказано, что Торкель, сын Тьостара, передал год орд (область), статус годи (областного жреца-правителя) и имение своему брату Торгейру, а сам отправился в Константинополь (Миклагард), где провел семь лет при византийском императоре (видимо, в известной «варяжской гвардии», речь в саге идет о событиях середины Хвека). Возвратившись в Исландию, он поселился в имении брата (см. Исландские саги. Ирландский эпос 1973: 147–148). Классический же случай с неженатым младшим сыном приведен в той же саге: «Эйвинд жил дома с отцом, а Сам был женат и жил в северной части долины, на хуторе, который называется Двор Игрищ. У него был дома полный достаток. Сам был человек очень заносчивый и хорошо знал законы. Эйвинд же стал купцом и уехал в Норвегию, и пробыл там зиму. Потом он отправился в чужие страны и остался в Миклагарде. Он прожил там некоторое время и снискал расположение греческого короля» (Исландские саги. Ирландский эпос, 1973:139). Правда, из всего вышесказанного отнюдь не следует, что скандинавы были очень многочисленным народом. Такого рода утверждения до сих пор можно услышать, и они всякий раз вызывают оживленные споры, но в данном случае речь идет только о том, что людских ресурсов в Скандинавии было достаточно. Достаточно для викингских походов – но не для того, чтобы установить свою власть в завоеванных землях или основать жизнеспособные колонии. Скандинавам не хватало места на родине, но их оказалось слишком мало, чтобы заселить, освоить и удержать за собой все территории, доставшиеся им в чужих краях.

Кстати, в эпоху викингов можно выделить еще одну категорию скандинавов, у которых имелись веские причины покинуть родной дом. Так, в первой трети IX века Годфред, утверждая свое главенство в Дании, избавлялся от «морских конунгов»; затем его сыновья дрались за власть с сыновьями Харальда; в Норвегии на протяжении ста лет, предшествующих правлению Хальвдана Черного (840 г.), грызлись между собой властители мелких королевств – и всякий раз в подобных смутах проигравшие теряли все. Те, кому удавалось выжить, бежали к обоюдному удовольствию «своих» и врагов. Мы мало что знаем о первых норвежских поселенцах, появившихся около 780 г. на Шетландских и Оркнейских островах, а чуть позднее на Гебридах, но, судя по всему, это были мирные люди: все, что им требовалось, – это пастбища для скота и возможность жить так, как они привыкли. Викинги, искавшие прибежище для себя и своих кораблей, появились позднее, в середине IX в., когда их потеснили дома. Большая часть вновь открытых земель была заселена после 860 г. У нас имеются сведения (не вполне достоверные) о сыновьях датского конунга, лишившихся своих владений на родине и обосновавшихся во Фризии, и викингах, не пожелавших принять власть Харальда Прекрасноволосого. При желании в этот перечень можно включить также Золотого Харальда и Олава сына Трюггви (Олав I Трюггвасон). Имена тех, кто возглавлял первые походы в Нортумбрию, Шотландию, Ирландию, нам неизвестны, но, весьма вероятно, это были люди того же сорта: изгнанники, которые не захотели подчиниться более сильному властителю и в результате оказались лишними в своей собственной стране.

Но не стоит, однако, все сводить к социальным причинам— безусловно, перенаселение, неделимость родового недвижимого имущества стимулировали отток дееспособного мужского населения в викингские походы, но не менее важной их причиной стали технологические новации в процессе поэтапной эволюции в кораблестроении у скандинавов, которое развивалось и достигло достаточно высокого уровня в VIII веке и привел к появлению не только всем известного классического древнескандинавского «длинного корабля» под парусом (др. – исл. langskip), он же боевой корабль викингов – «драккар» (норв. Drakkar, от древнескандинавских Drage – «дракон» и Каг – «корабль», буквально «корабль-дракон»), но и не столь знаменитого

кнорра (норв. Knorr). Во многом кнорры были схожи с драккарами, однако, в отличие от них, были не военными, а скорее грузовыми и торговыми судами и использовались для перевозки большого количества припасов и снаряжения, а также лошадей. Поэтому кнорры были более широкими и вместительными, но развивали меньшую скорость. Также известно, что благодаря тому, что могли вместить больше припасов, чем драккары, кнорры часто использовались для совершения дальних походов. Так, например, Эрик Рыжий, приговоренный к временному изгнанию за убийство, отправился в поход на запад именно на кнорре и открыл Гренландию.

Боевые корабли и торговые суда позволяли скандинавам посещать заморские страны, а переселенцы и исследователи пересекали море в поисках новых земель и богатств. У себя на родине скандинавы пользовались рыбацкими лодками, паромами и байдарками. Во времена викингов путешествия через горы, дремучие леса, болота и глубокий снег были трудными. Многочисленные реки, озера и прочие водные пути Скандинавии давали скандинавам простой и удобный способ передвижения. В целом можно сказать, что скандинавы эпохи викингов были опытными судостроителями, создававшими самые совершенные корабли своей эпохи. Данное обстоятельство позволяло викингам отправляться во все более дальние походы и со временем колонизировать обнаруженные ими земли. Можно сказать, что именно корабли служили главными инструментами экспансии викингов. Предназначенные для плавания в открытом море скандинавские корабли – драккары, нос которых украшала голова дракона, а корму – его хвост, имели до 23 м в длину, 5 м в ширину, съемную мачту и обходились без палубы; впрочем, в эпоху викингов появились корабли и большего размера с настилом. Гребли сами викинги, повесив свои изукрашенные щиты на борта корабля. Судя по «Англосаксонской хронике», объединенные отряды викингов могли собрать флот, насчитывающий сотни кораблей разного размера. Так, например, набег на Британию викингского флота, состоящего из 3, 5, 15–16 кораблей, был обычным явлением.

Кстати, постепенное установление прочных государственных образований в Западной Европе, особенно на континенте, где возникла мощная империя Карла Великого, способствовало укреплению и расширению европейской торговли, что само по себе увеличивало возможности добывать средства скандинавам как за счет морской торговли, так и ее оборотной стороной – пиратством. Поэтому обсуждая викингскую экспансию, следует иметь в виду оба этих занятия, ибо тому и другому древние скандинавы предавались весьма усердно. Они охотно торговали – когда обстоятельства располагали к этому, но, видя, что морские пути и прибрежные города плохо охраняются, предпочитали грабить. Весьма показателен эпизод, описанный в Англосаксонской хронике и более подробно – в хронике Этельверда как первое появление викингов в Англии. Королевский ставленник в Дорчестере, встретив чужеземцев из Хордланда, очевидно, решил, что это торговцы, и хотел, согласно обычаю, препроводить их в королевскую усадьбу, чтобы уладить все формальности. На его беду гости если и торговали, то скорее захваченным по пути добром, и по каким-то своим причинам, которых хроника не объясняет, убили провожатого. Когда норвежцы появились в Англии в следующий раз, они приплыли грабить. Лавина пришла в движение, и остановить ее было невозможно. Добыча— это добыча, на каком языке ее ни называй, и в Западной Европе ее хватало на всех. Ирландия, Англия, Франция стали викингской Мексикой: их обитатели превосходили северных конкистадоров ученостью, богатством и уровнем цивилизации, но оказались бессильны, когда столкнулись с противниками, хотя и уступавшими им в численности, но более энергичными и обладавшими большей свободой передвижений. Вести о монастырях, населенных безобидными монахами, о торговых городах, выстроенных у моря или по берегам рек, о роскошных усадьбах и богатых домах распространились по всей Скандинавии, и их слышали. Жертвам еще была дана отсрочка: норвежцы осваивали горные пастбища на атлантических островах, внимание шведов занимала Русь с ее реками и лесами, а даны выясняли отношения с империей и друг с другом. Но штормовой колокол уже звонил, и в 834–835 гг. прилетела буря.

В набегах на прибрежные селения викинги захватывали скот на убой, мясо, а также прочие припасы. Кстати, подобная практика существовала и в самой Скандинавии в те времена, когда справедливость соблюдалась по отношению к «своим» – жителям данной местности, провинции или маленького королевства, а в чужих краях человек волен был поступать как ему угодно. Обитатели Зеландии не грабили в Зеландии (по крайней мере, в той ее части, где жили сами), а обитатели Согна – в Согне, при необходимости отправляясь за добычей в соседние земли. По мере того как из мелких королевств начали возникать более крупные образования, этот обычай стал вызывать все большее недовольство конунгов, особенно тех, кто, подобно Харальду Прекрасноволосому и Харальду Синезубому, стремился к объединению страны. Нельзя не отметить, что пострадавшим он никогда не нравился.

Иллюстрация из «Саги об Олаве Трюггвасоне» (Олав I Трюггвасон) в «Книге с Плоского острова» (Flateyjarbók) XIV в. На представленном здесь украшении к «Саге о короле Олаве Трюггвасоне» изображены некоторые из его замечательных деяний – убийство вепря и морской великанши-людоедки. Несмотря на мифический характер части сказаний, саги представляют собой неоценимый источник сведений о жизни и истории викингов. Олав I Трюггвасон (Олаф I Трюггвасон; норв. Olav Tryggvason, др. – сканд. Olaftr Tryggvason; также иногда упоминаемый с прозвищем Воронья кость (Кракабен); ок. 963-1000) – король Норвегии с 995 по 1000 г., потомок короля Харальда Прекрасноволосого. Отец Олава, Трюггви Олавссон, внук первого короля (конунга) Норвегии, был убит Гудрёдом, братом короля Харальда Серой Шкуры, своим двоюродным братом. Олав имел старшую сестру, Ингеборгу Трюггведоттир, которая была первой женой Рагнвальда Ульфсона, двоюродного дяди княгини Ингегерд (жены Ярослава Мудрого) и ярла Ладоги (Альдегьюборга). Мать Олава, Астрид (норв. Astrid), была дочерью бонда Эйрика Бьодаскалли, «могущественного мужа» из Опростадира (в Оппланне).

Родился Олав около 963 г., хотя эта дата является спорной. В различных источниках приводятся даты от 963 до 969 г. Тем не менее «Сага об Олаве, сыне Трюггви» свидетельствует, что Олав был назван по имени деда, а по скандинавским традициям, если бы мальчик родился после смерти отца, то был бы назван в честь него, а не деда (хотя в самой саге говорится, что Астрид родила уже после смерти мужа). Астрид бежала с сыном в Оппланн к отцу, а после в Швецию, спасаясь от убийц мужа. Из Швеции Астрид решает ехать к своему брату Сигурду Эйриксону, который служил в дружине князя новгородского Владимира Святославича (будущего крестителя Руси Владимира Святого). Однако по дороге в Новгород на корабль, где находились Астрид и Олав, напали пираты – эсты. В полурабском состоянии Олав с матерью жили в стране эстов шесть лет, пока посланный собирать с эстов налоги Сигурд случайно не встретил племянника и не выкупил его.

Попав на Русь в девятилетием возрасте (то есть в 972 г.), он прожил здесь еще девять. Тем временем в 970 г. был убит конунг Харальд Серая Шкура, и норвежская корона перешла к королю Дании Харальду Синезубому, а фактическая власть оказалась в руках ярла Хакона Могучего.

Олав был взят в дружину Владимира Святославича. Олав пользовался популярностью среди дружинников, он также снискал хорошее отношение со стороны великого князя, как

сказано в саге: «Вальдимар конунг сделал его начальником войска, которое он посылал на защиту своей страны». Воевал в походе Владимира Святославича на Червенские города в 981 г. Возвышение Олава и его тесные отношения с женой Владимира (в саге она названа Аллогией, по Татищеву ее имя Олава) вызвали недовольство и домыслы. Завистникам удалось убедить великого князя в том, что дальнейшее пребывание Олава на Руси опасно. Около 981 г. Олав оставляет службу у Владимира и отправляется в поход по Балтике.

В 982 г. Олав попал в шторм у земли вендов (вероятно, Польша), где остался на зиму и женился на дочери местного короля Бурислава Гейре. Кого саги называют Буриславом, доподлинно неизвестно. Некоторые ученые считают, что это

собираемый образ королей Мешко I и его сына, Болеслава Храброго. Также есть версия, что в одном из польских княжеств действительно правил князь по имени Бурислав (Болеслав). Зимой 982/83 гг. Олав воевал в Швеции (Скания и Готланд) и захватил большую добычу.

В это же время на севере начинается война Харальда Синезубого с его собственным сыном Свеном Вилобородым, не пожелавшим принять христианство. Волнения вскоре перекинулись и на земли славян, которые начали уничтожать церкви и вырезать христианское духовенство (Славянское восстание 983 г.). В этих условиях Оттон II Рыжий, император Священной Римской империи, собирает войско, к которому присоединяются саксы, франки, фризы и поляки, и организует поход против славянских, датских и норвежских язычников. При этом, несмотря на свидетельство саги, сам Оттон (конунг Отта) в походе не участвовал: в июле 983 г. умер папа Бенедикт VII, и Оттон отправился в Рим на выборы нового. Находясь в Риме, в декабре 983 г. Оттон, узнав о неудачах на севере, умер. Король вендов Бурислав также присоединился к германским войскам (опять же можно отождествить Бурислава с Мешко I, который был вынужден пойти на союз с империей в условиях опасности, исходившей от языческой Дании в начале 980-х гг.). Олав также присоединился к польским войскам. В саге допущена неточность – вместе с описанием похода поляков против восставших славян и датчан в 983 г. описываются события первого похода Оттона II против Харальда Синезубого, который состоялся в 973–974 гг. Описана битва у Датского Вала (Даневирке). Войскам не удалось взять вал, который защищал норвежский ярл Хакон. Далее описано заключение мира между Оттоном и Харальдом Синезубым, условием которого стало крещение Свена, сына Харальда и ярла Хакона.

Вернувшись в страну вендов, Олав прожил со своей женой всего 3 года, после чего она неожиданно заболела и умерла. Тяжело переживая это, Олав покинул конунга Бурислава и вновь отправился в морской поход.

После продолжительного пребывания в землях славян Олав отправился в Англию. Он воевал в Нортумберленде, а также в Шотландии, Ирландии и Уэльсе. После этого он отправился на острова Силли (Сюллинги). Там он встретился с предсказателем, который предрек ему большое будущее: стать конунгом и обратить многих людей в христианскую веру. Сага приводит слова предсказателя: «Ты будешь знаменитым конунгом и совершишь славные дела. Ты обратишь многих людей в христианскую веру и тем поможешь и себе, и многим другим. И чтобы ты не сомневался в этом моем предсказании, я дам тебе такой знак: у тебя на кораблях будут предательство и бунт. Произойдет битва, и ты потеряешь несколько своих людей, а сам будешь ранен. Рану твою посчитают смертельной, и тебя отнесут на щите на твой корабль. Но через семь дней ты исцелишься от этой раны и вскоре примешь крещение». Согласно легенде, так и произошло – вернувшись к своим кораблям, Олав встретил разбойников и в сражении с ними был ранен, но излечился через 7 дней. После этого Олав и его дружина приняли крещение. Крестившись, Олав вернулся в Ирландию, где женился на Гюде (Гиде), дочери Олава Кварана, короля Дублина. Тем временем в разгаре была война Харальда Синезубого с сыном Свеном Вилобородым. Олав жил в Ирландии, и там его называли Али. Когда Хакон Могучий, правитель Норвегии, узнал о «норвежском конунге Али», он стал интересоваться его про-

исхождением и настоящим именем. Посланники Хакона прибыли к Олаву и рассказали ему, что ярл Хакон очень могущественный, но норвежцы хотят видеть у власти потомка короля Харальда Прекрасноволосого. Воспользовавшись народными настроениями, Олав отправляется в Норвегию, чтобы завоевать трон. Сперва он заручается поддержкой Сигурда Хлодвирсона, ярла Оркнейских островов, которого заставляет принять крещение. Однако по совету Торира, подручного ярла Хакона, Олав решил не раскрывать своего имени, чтобы не распускать слухи и заставить норвежского правителя врасплох. Восстание в Норвегии началось даже не под влиянием возвращения Олава Трюгвасона. Правление ярла Хакона, а вернее, его отношения с бондами-землевладельцами (Хакон заставлял бондов присылать ему своих жен и дочерей), вызвало серьезное недовольство. Сага называет инициатором восстания против Хакона бонда по имени Орм Люргья. Узнав о начавшемся восстании, а затем и о приближении Олава Трюгвасона, ярл Хакон бежал в Оркдал (Оркадаль), чтоб укрыться в доме своей любовницы Торы. Тем временем Олаву удается победить в битве Эрленда Хаконсона, одного из сыновей ярла Хакона. В этой битве Эрленд погиб. После этого восставшие бонды объединяются вокруг Олава и начинают поиски ярла Хакона. Олафу удалось разузнать, что Хакон находится в доме у Торы. Узнавший об этом раб Хакона Тормод Карк, испугавшись расправы, убил господина и отрезал ему голову, которую преподнес затем Олаву. Впрочем, это не помогло Карку, который заплатил за свое предательство – его голова была отрублена вслед за головой ярла Хакона. Обе головы были вывешены на всеобщее обозрение в Нидархольме (окрестности современного Тронхейма) в знак победы Олава Трюгвасона. Так в 995 г. на всеобщем тинге Олав Трюгвасон был провозглашен верховным конунгом (королем) Норвегии. Норвегия вышла из-под датской власти. В 997 г. Олав основал город Нидарус (Тронхейм), на центральной площади города находится памятник Олаву I. Завладев Норвегией, Олав стал ревностно насаждать в ней христианство. Он крестил норвежские провинции (Вик, Агдир, Рогаланд). От него крещение принял первооткрыватель Америки Лейф Эрикссон, который привез из Норвегии епископа в Гренландию и крестил ее. По приказанию Олава христианство приняли население Оркнейских островов и их правитель. По заданию Олава епископом Тангбрандом была крещена Исландия. Весной 996 г. Олав решил посвататься к Сигрид Гордой. Ее происхождение неизвестно: в источниках она фигурирует под именами Сигрид, Гуннхильда и Святослава. Неясно, реальное ли это историческое лицо или собирательный образ. Титмар Мерзебургский и Адам Бременский сообщают о польской княжне, дочери Мешко I, которая сначала была женой Эрика Победоносного, а после Свена Вилобородого и стала матерью сына последнего – Кнуда Великого. По другой версии, она была дочерью Скагула Тосте. В саге она названа Гуннхильдой, дочерью Бурислава (таким образом, она могла быть сестрой Гейры, первой жены Олава). Предлагая брак, Олав потребовал, чтобы Сигрид приняла христианство. Она отказалась, между ними произошла ссора, в ходе которой Олав ударил Сигрид по лицу. Она ответила на это фразой: «Это может привести к твоей смерти». Месть со стороны Сигрид называют одной из причин восстания против Олава. После ссоры с Олавом Сигрид вышла замуж за его противника, короля Дании Свена Вилобородого. Сам Олав женился на сестре Свена Вилобородого, Тире, которая должна была выйти за короля вендов Бурислава (возможно, за Болеслава Храброго). Недовольные правлением Олава, а особенно насаждением христианства, норвежские вельможи начали искать союза с противниками Норвегии – датским королем Свеном Вилобородым и шведским Олавом Шётсконунгом. Сигрид Гордая также убеждала мужа выступить против Олава Норвежского; войска бондов возглавлял сын убитого ярла Хакона Эйрик. Олав выступил против коалиции своих врагов. Он отправился в Польшу, чтобы забрать имущество своей жены, которая должна была выйти замуж за польского короля Болеслава, но эта свадьба не состоялась. Обратившись в Норвегию Олав решил идти со всем своим флотом, но был предан вождем йомсвикингов Сигвальдом Струт-Харальдсоном, который убедил его, что враги не собираются атаковать Олава. Король Норвегии отпустил большую часть кораблей, но,

несмотря на слова Сигвальда, был атакован. В сентябре 1000 г. Олав Трюггвасон погиб в битве у Свольдера. В саге была помещена легенда, что Олав якобы мог спастись, так как никто не видел, как он погиб. Впрочем, эта легенда относится, скорее всего, к числу преданий о вечно живых «спящих» героях. После смерти Олава I Норвегия вновь перешла под власть датской короны.

На иллюстрации из рукописи «Жизнь святого Эдмунда, короля и мученика», написанной в XI веке, изображено вторжение викингов на побережье Восточной Англии в IX в. Эдмунд Мученик (841–869) был последним суверенным англосаксонским королем Восточной Англии (причислен к лику святых). В 855 г., будучи еще юношей, Эдмунд занял королевский престол Восточной Англии (коронован 25 декабря). О правлении короля Эдмунда известно мало, а вот

о том, как он умер от рук язычников-викингов, достаточно подробно описано в источниках. Причем надо заметить, что существуют как минимум две версии его гибели. Так, например, епископ Ассер в написанной по горячим следам «Жизни короля Альфреда» говорит, что в 869 г. викинги, незадолго до этого создавшие королевство в Йорке, под предводительством сыновей Рагнара Лодброка Уббы Рагнарссона и Ивара Бескостного, пройдя через территорию Мерсии, вторглись в Восточную Англию с намерением захватить земли в районе Тетфорда. Эдмунд выступил в поход против захватчиков, «...с огромной яростью сражался с ними; но... язычники торжествовали, Эдмунд был убит в сражении...» По преданию, один из сыновей Рагнара Лодброка – Ивар Бескостный – предложил королю стать его ставленником в Восточной Англии. Король Эдмунд якобы согласился это сделать при условии, что Ивар примет христианство. Разумеется, викинги отказались и в последовавшей затем где-то в Восточной Англии (место точно неизвестно) кровопролитной битве одержали уверенную победу, которая положила конец правлению англосаксов в Восточной Англии. Позже в 986 г. монах Аббон из Флэри в своем «Житии святого Эдмунда» представил другую версию гибели короля Эдмунда, которая считается канонической (но нет никаких оснований доверять ей больше, чем первой). Так, согласно этой версии, Эдмунд, будучи глубоко религиозным человеком, вообще отказался сражаться с викингами и остался в своей крепости: «Ивар-датчанин в то время ворвался в город и отдал приказ не трогать никого, кроме короля. Король Эдмунд был схвачен прямо в церкви. Язычники связали короля и под градом оскорблений повели его к Ивару, нанося святому удары дубинами. Привязав его к дереву, датчане истязали его бичами, но святой, повторяя его имя (Иисуса Христа), остался тверд в вере. Это раздражало язычников, и они стреляли в святого стрелами, пока он весь не покрылся ими подобно святому мученику Себастьяну. Ивар, услышав, что святой постоянно творит Иисусову молитву, приказал обезглавить его. Святого поволокли к месту казни. Святой Эдмунд не оставлял молитвы. Разъяренные язычники отрубили ему голову. Вскоре туда же был приведен епископ Гумберт и тоже обезглавлен. Это случилось 20 ноября 869 г. Датчане выбросили голову святого в заросли ежевики и оставили тело обезглавленным. После этого они сели на корабли и покинули эти места. Горожане же безуспешно пытались найти голову святого в лесу. Один из очевидцев казни показывал место, где датчане спрятали голову. Разделившись на группы, безутешные подданные бродили по лесу, окликая друг друга. На их оклики голова святого отвечала: «Здесь, здесь». Так продолжалось, пока люди не вышли к тому месту, где находилась голова святого. К всеобщему удивлению, люди увидели ее лежащей между лапами огромного волка, который сам, не причиняя святому вреда, охранял ее от других зверей. Множество чудес последовало после того, как тело святого было положено в специальную гробницу. При последующих перенесениях мощей тело святого Эдмунда было найдено нетленным». Вскоре гробница Эдмунда стала очень популярной не только в Англии, но и во всей Европе. Спустя сто лет король Эдмунд был канонизирован и стал первым настоящим святым покровителем Англии. Примерно в 1020 году было основано аббатство Бери-Сент-Эдмендс, которое посвящено королю Эдмунду. Считается, что в этом аббатстве покоятся останки Эдмунда Мученика. Кстати, у некоторых историков мученическая гибель короля Восточной Англии Эдмунда от рук викингов вызывает сомнения. Недавние исследования свидетельствуют, что официальная версия смерти Эдмунда может не соответствовать действительности. Так, например, место, где произошли битва и казнь короля, уже в Средние века было забыто. Предполагается, что битва произошла у местечка Эгильсдун (Haegelisdun), однако, где оно находится, неизвестно. Есть другие версии. Некоторые историки считают, что противники сошлись в Хоксене (Суффолк), другие – в Хеллесдоне (Норфолк), третьи – вообще в Брэдфилд-Сент-Клер в Бери. В 2011 г. лингвист университета Западной Англии доктор Кейт Бриггс предположил, что сражение между Эдмундом и викингами произошло на одном из холмов Мэлдона (Эссекс). Специалист ссылается на исторические документы, которые действительно сообщают, что один из холмов будущего города (первое упо-

минание о Мэлдоне относят к 913 г.) назывался Хэйлсдон (Halesdon). Более того, согласно хроникам, в IX в. на нем располагалось укрепление местного предводителя. Значит, этот холм был хорошей мишенью для викингов. Кстати, Мэлдон впоследствии сыграл немалую роль в истории нашествия викингов в Англию. В 991 г. норманны одержали при Мэлдоне крупную победу над англосаксами. По мнению К. Бриггса, в 869 г. викинги находились неподалеку от Лондона, куда направлялись. Мэлдон – как раз неподалеку от нынешней британской столицы. Ученый обращает особое внимание на то, что никем не доказано, что Эдмунд похоронен в аббатстве Бери-Сент-Эдмендс, ведь останки-то его найдены. В заключение Кейт Бриггс говорит: «Возможно, легенда о мученической смерти короля Эдмунда – обычная средневековая мистификация. Подобных историй довольно много».

Флот норманнов. Вышивка из Байё, конец XI века. На этом фрагменте показана переправа нормандского войска через Ла-Манш. (Сцена 1-я.) Вильгельм ведет свое войско для посадки на корабли, и они отправляются в путь. Автор гобелена пропустил многое из событий начала похода – долгое ожидание попутного ветра в Див-сюр-мер (Dives-sur-mer), блуждания вдоль берега в поисках удобной пристани в Сент-Валери-сюр-Сомме (Sent-Valery-sur-Somme). Показано лишь пересечение Ла-Манша напрямик— создатель показывает начало марша Нормандии к победе. Но еще лучше на гобелене представлены лодки норманнов – украшенные резными драконьими головами, они устремляются вперед, подгоняемые попутным ветром. Хорошо видны разноцветные паруса и щиты, вставленные в отверстия для весел кораблей, которые везут воинов, и, наконец, судно с лошадьми на борту. (Сцена 2-я.) На море множество кораблей, корабли полны солдат и лошадей. Вильгельм плывет на корабле Мора, подаренном его женой Матильдой. Его корабль легко отличить от других – маленький человечек трубит в трубу, над мачтой виден флаг с крестом – без сомнения, это «штандарт святого Петра», врученный папой Александром II, который благословил герцога на его предприятие.

Гобелен из Байё (англ. Bayeux Tapestry; фр. Tapisserie de Bayeux) – памятник средневекового искусства, представляющий собой вышивку по льняному полотну шириной 48/53 см и длиной 68,38 м. Изображает сцены подготовки нормандского завоевания Англии и битвы при Гастингсе, создан в конце XI в. В настоящее время гобелен выставлен в специальном музее в городе Байё в Нормандии и относится к национальному достоянию Французской Республики. Правда, изображенные на гобелене из Байё события 1064–1066 гг. составляют независимый взгляд на события, который несколько отличается от сохранившихся письменных источников. И если описания главных событий в целом совпадают с письменными источниками, то в деталях часто противоречат им. Лакоичная природа текста гобелена не объясняет причину несопадений. И следует заметить, что о некоторых событиях намеренно рассказано не вполне ясно. Например, о миссии, которую доверил Гарольду Эдуард Исповедник в начале повествования, или о содержании завещания короля Эдуарда. Автор, несомненно, знал о разных толкованиях событий по обе стороны Ла-Манша. Самое раннее письменное свидетельство о гобелене содержится в описи имущества кафедрального собора Байё, датированной 1476 г. Точный автор этого произведения искусства не установлен. Согласно традиционной точке зрения, гобелен был вышит по приказу королевы Матильды, жены Вильгельма Завоевателя, ее придворными ткачихами. Во Франции гобелен известен как «Гобелен королевы Матильды».

В целом можно сказать, что в викингских походах нашли выход некие глубинные проявления человеческой природы: у древних скандинавов были свои нужды и свои амбиции, притом у них хватало решимости, сил и технических возможностей, чтобы воплотить свои требования в жизнь. Древним скандинавам требовались земли, чтобы сеять хлеб и разводить скот, сокровища, чтобы жить с удобствами или просто выжить, а кое-кто жаждал величия и славы. И они получали, что хотели, – торгуя, заселяя новые земли, грабя и сражаясь. А если за это расплачивались их соседи, ближайшие и дальние, – что тут такого! Экспансия с севера, так изумлявшая современников, в наши дни никого не удивляет.

Глава 3

Викинги в скандинавии

3.1. Общество у викингов

*...Языческий люд
Почитает капища.
Горит огонь.
Родит земля...
Огни разводят...
Селятся люди.
Ветер гонит
Все воды к морю.
И люди хлеб сеют.*

«Сага о Греттире»

Приходило время, и те из скандинавов, кто уходил «в викинг», возвращались к родным берегам. Боевые корабли – драккары, потрепанные в непогодах и абордажных схватках, нуждались в основательной починке, а едва затянувшиеся раны воинов-мореходов требовали домашнего ухода. Добычи было в достатке, и теперь ею следовало расчетливо распорядиться: что пристроить в хозяйстве, что с выгодой сбыть соседям или на ближайшем торгу. Заждавшимся родичам и друзьям надлежало поведать о совершенных в походе подвигах и вручить подарки, подтверждающие правдивость рассказчика. Таким образом, у себя на родине, в Скандинавии, свирепые викинги-пираты, повергавшие в трепет пол-Европы, превращались в рачительных и радушных хозяев, оборотистых торговцев, почтительных сыновей, любящих мужей и отцов. Даже «морские конунги», пополнявшие дружины крепкими, жаждавшими богатства и славы парнями, временно поступаясь суровыми требованиями своего кодекса чести – никогда не спать под закопченной крышей и никогда не пировать у очага («Сага об Инглингах»), – вели на берегу самый респектабельный образ жизни. Там в свои права вступала система ценностей, совершенно отличная от той, что господствовала на палубах боевых кораблей... Поэтому нет ничего удивительного в том, что, несмотря на закрепившийся за ними и сохранившийся на века имидж беспощадных морских разбойников и неустрашимых первопроходцев, в большинстве своем викинги являлись крестьянами-хуторянами, рыбаками, торговцами, кораблестроителями, ремесленниками, кузнецами или плотниками.

Кстати, сельская жизнь у скандинавов имела много общего с жизнью крестьянских общин в других североевропейских странах в течение многих веков, в том числе и с жизнью на Британских островах. Принципы устройства домов, детали мебели, инструменты и образ жизни находят близкие параллели в обычаях Ирландии и горной Шотландии, просуществовавших почти вплоть до наших дней. Однако скандинавский фермер жил в мире с более широкими горизонтами. Он или его непосредственные предки были первопроходцами, осваивавшими новые территории, но при этом сохранявшими прочные связи со старой родиной. Возможно, он и сам значительную часть жизни был странствующим торговцем, участником одной из пиратских корабельных команд викингов или дружинником князя, или короля в Скандинавии, Англии, а то и в еще какой-нибудь стране, значительно удаленной от дома. Даже остепенившийся скандинавский фермер, имевший собственные земли, не всегда порывал с

жизнью торговца или пирата-викинга, хотя, как правило, это было занятие для лета. Такие «частично занятые» скандинавы-земледельцы отправлялись на одно лето или на несколько летних сезонов в викингские походы – либо за собственный счет, либо поступая на краткий период своей жизни на службу к конунгу. Так, например, в «Саге об оркнейцах» (др. – сканд. *Orkneyinga saga*— история Оркнейских островов, в частности графства Оркни, начиная с их захвата в IX веке норвежским конунгом Харальдом Прекрасноволосым и приблизительно до 1230 года) повествуется, как еще в 1158 году один из ярлов викингов, Свейн Аслейвссон, живший на острове Оркни, все еще продолжал сочетать сельский труд с традиционным занятием викингов – пиратством: «Когда Хакон был еще молод, Свейн Аслейвссон предложил взять его на воспитание, и с этой целью он отправился на Гаисей. Как только он возмужал, Свейн стал брать его каждое лето в викингские походы, дабы он заслужил к себе уважение. Каждую зиму Свейн сидел на Гаисей, где у него было восемьдесят мужей и самый большой пиршественный зал на Оркнеях. Весной у него прибавлялось работы, потому что он сеял много зерна себе на пропитание; а потом отплывал на Гебриды (архипелаг в Атлантическом океане, к западу от Шотландии) или в Ирландию и брал там все, что мог, вплоть до середины лета. Он оставался дома до окончания жатвы, а затем ранней осенью отправлялся в новый викингский поход вплоть до начала зимы». Отправляясь в морские походы с целью продать что-либо или кого-то ограбить, отряды таких единомышленников-скандинавов из свободных землевладельцев, как оркнейский ярл Свен Аслейвссон, несомненно, договаривались о том, что господ среди них не будет и что все станут считаться «равными»— гордая основа взаимоотношений викингов и оплот их культуры. Дома же, однако, мужчины вроде Аслейвссона являлись составляющей весьма расслоенного и пирамидального по строению общества.

На вершине пирамиды стоял единовластный правитель – король. Под ним занимала место аристократия: ярлы, военные предводители и могущественные землевладельцы с принадлежавшими им обширными угодьями. Ниже размещались свободные люди, или бонды. Данная довольно пестрая группа состояла из фермеров, торговцев, корабелов, искусных ремесленников и профессиональных воинов, включая в себя, таким образом, наверное, самый влиятельный класс общества в эпоху викингов, при этом социальное положение определялось размерами состояния. В основании пирамиды располагались невольники, или рабы, которых хозяева расценивали как нечто лишь незначительно большее, чем скот, и соответственно с этим относились к ним. Правда, надо отметить, что в эпоху викингов у скандинавов был период значительной социальной мобильности. В то время даже люди, которые стояли на самых низких ступеньках социальной лестницы, рабы, нередко получали свободу, и им разрешали обзаводиться своим пусть небольшим, но собственным хозяйством. Да и у свободных людей также было множество способов улучшить свое социальное положение. Так, те, кто не имел земли, могли отправиться за море; разбой или служба в королевской дружине за плату могли принести богатство; можно было получить выгоду от ремесла и торговли. Кстати, торговля и разбой – это два основных способа достаточно быстро получить богатство, которое – как и везде в мире – становилось ключом к продвижению по социальной лестнице. Если человек, у которого были богатство и земля, обладал сильным характером, он вполне мог стать местным вождем и обрести дружинников, которые искали бы его покровительства. В свое время он или его сыновья могли пересечь достаточно нечеткую границу между богатым крестьянином и местным вождем – эти люди отличались от ярлов и даже королей только по масштабу, а не по сути. Более того, между скандинавским обществом и обществом феодальным, которое в то время возникало повсюду в Европе, была одна существенная разница: здесь каждый человек владел землей совершенно свободно: он не должен был платить никакому землевладельцу ни налогов, ни аренды. Конечно, в случае распри с соседями ему могла понадобиться защита со стороны вождя, и он сам должен был верно служить своему вождю при разрешении возникших у того распрей и во время войны, сражаясь в его дружине. Однако эта связь оставалась личной, и

недовольный дружинник мог уйти к другому вождю. Конечно, с этим были связаны определенный риск и неудобства для самого дружинника, но ему отнюдь не грозили все те ужасные штрафы и наказания, которые могли ожидать феодального вассала, собравшегося уйти от своего господина. Обычно вождь разбирал споры между своими дружинниками, поддерживал их в конфликтах с посторонними людьми, щедро вознаграждал за любую службу и, если они следовали за ним во время походов, делил между ними добычу и земли. Если вождь не делал всего этого или не отличался способностью к лидерству, каким бы аристократическим ни было его происхождение, очень скоро дружинники могли перейти к его более удачливому сопернику.

Статус вождей мог быть очень разным – от небольшого местного вождя, чья власть ограничивалась одним фьордом, до того, кто набирал себе дружинников из целой области, содержал отряд личных телохранителей, владел боевыми кораблями и мог именовать себя ярлом, а то и королем. Так на заре эпохи викингов власть в Скандинавии сосредотачивалась в руках небольшого числа могущественных, утвердившихся в главенствующем положении семей, каждая из которых владела большим наделом земли. Со временем в Норвегии, Дании и Швеции благодаря союзам, выгодным бракам, а часто и за счет силы оружия на передний план стали выходить единовластные правители – короли.

3.1.1. Король

Король (лат. *rex*, фр. *roi*, итал. *re*, англ. *king*, нем. *König*) – это титул обычно наследственный, но иногда и выборный монарха – главы королевства. В эпоху викингов древние скандинавы верховного правителя – короля – называли конунг (др. – сканд. *konungr*, др. – англ. *cyning*). Как видно из «Песни о Риге» (др. – сканд. *Rígsþula* – поэма из «Старшей Эдды», описывающая похождения аса Рига и появление трех сословий: ярлов, крестьян и рабов), конунги вышли из среды ярлов. Именно ярлы выбирали кого-то из своих, чтобы он был их верховным правителем – конунгом, однако такой правитель оставался зависимым от поддержки ярлов и от решений местных тингов (сканд. «*Ting*» – это древнескандинавское и германское правительственное собрание, состоящее из свободных мужчин страны или области, которое, как правило, имело не только законодательные полномочия, но и право избирать конунгов). Появление конунгов в Скандинавии связано с процессом образования национальных государств у скандинавов. Так как эти новые государственные образования появлялись в ходе борьбы ярлов за верховенство, то чем больше укрупнялось государство, тем больше возвышался один ярл над всеми остальными. В результате ярлы из верховных и самостоятельных правителей превратились в вассалов конунгов и их заместителей. Со временем сильным конунгам удавалось утвердить свою власть над все большим и большим числом областей (часто вопреки упорному сопротивлению местных конунгов и ярлов), пока наконец в каждой из Скандинавских стран не воцарилась единая династия, способная придать государству политическое и религиозное единство. Однако многим ярлам все же удалось сохранить исключительное могущество. Так, в Норвегии ярлы Хладира всегда оставались потенциальными соперниками конунгов, а иногда фактически правили страной. Вот как рассказывается о завоевании Норвегии в эпоху викингов в «Саге о Харальде Прекрасноволосом», третьей саги «Круга земного» Снорри Стурлусона, которая посвящена времени правления норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого, представителя рода Инглингов, который стал первым королем Норвегии и родоначальником династической ветви Хорфа-геров («хорфагер» – прекрасноволосый), правившей Норвегией до XIV века: *«Харальд стал конунгом после своего отца. Ему было тогда десять лет. Он был всех статней и сильнее, очень красив с виду, мудр и мужествен. Гутхорм, брат его матери, был предводителем его дружины и правил всеми делами. Он был и предводителем войска.»*

После смерти Хальвдана многие вожди стали посягать на владения, которые он оставил. Первым был Гандальв конунг, за ним последовали братья Хёгни и Фроди, сыновья Эйстейна, конунга из Хейдмёрка. Хёгни сын Кари совершал набеги на Хрингарики. Также Хаки сын Гандальва пошел с тремястами людей походом в Вестфольд. Он пробирался по суше по разным долинам и рассчитывал застать Харальда конунга врасплох. А конунг Гандальв засел со своим войском в Лондире и рассчитывал перебраться оттуда через фьорд в Вестфольд. Когда Гутхорм герцог (слово «герцог» (*hertogi*) употреблено здесь, вероятно, в значении «предводитель войска», т. к. этимологически оно это и означает, а как титул это слово стало употребляться в Норвегии только в XIII в.) узнал об этом, он собрал войско и вместе с Харальдом конунгом отправился в поход. Он обратился сначала против Хаки, который пробирался по суше, и они сошлись в какой-то долине. Произошла битва, и Харальд конунг одержал победу. Конунг Хаки пал, и вместе с ним большая часть его войска. Долина эта с тех пор называется Хакадаль. После этого Харальд конунг и Гутхорм герцог вернулись назад, так как Гандальв конунг уже нагрянул в Вестфольд. Они обратились друг против друга, и когда они сошлись, произошла жестокая битва. Гандальв конунг бежал, потеряв большую часть своего войска, и не солоно хлебавши вернулся в свои владения. Когда об этих событиях узнали сыновья Эйстейна конунга в Хейдмёрке, они стали бояться, что и к ним скоро нагрянет войско. Они послали гонцов Хёгни, сыну Кари, и Гудбранду херсиру и назначили встречу с ними в Хрингисакре в Хейдмёрке.

II

После этих битв Харальд конунг и Гутхорм герцог со всем войском, которое они собрали, направились в Уплёнд и шли все больше лесом. Они узнали, где конунги Уплёнда назначили встречу, и нагрянули туда в полночь. Стража заметила, что пришло войско, только когда оно уже стояло перед домом, в котором находился Хёгни сын Кари, а также тем домом, в котором спал Гудбранд. Оба дома были подожжены. А сыновья Эйстейна со своими людьми выбрались из дома и некоторое время сражались. Все же оба погибли, Хёгни и Фроди.

После гибели этих четырех вождей Харальд конунг при сильной поддержке своего родича Гутхорма захватил Хрингарики и Хейдмёрк, Гудбранд-сдалир и Хадаланд, Тотн и Раумарики, а также всю северную часть Вингульмёрка. Затем Харальд конунг и Гутхорм герцог воевали с Гандальвом конунгом, и война кончилась тем, что Гандальв конунг пал в последней битве, и Харальд конунг захватил все его владения к югу до Раум-Эльва.

III

Харальд конунг послал своих людей за девушкой, которую звали Гюда. Она была дочерью Эйрика конунга из Хёрдаланда. Она воспитывалась в Вальдресе у одного могущественного бонда. Харальд хотел сделать ее своей наложницей, так как она была девушка очень красивая и гордая. Когда гонцы приехали, они передали девушке, что им было велено. Она же ответила им, что не хочет тратить свое девство ради конунга, у которого и владений-то всего несколько фюльков.

– И мне удивительно, – сказала она, – что не находится такого конунга, который захотел бы стать едино властным правителем Норвегии, как Горм конунг стал в Дании или Эйрик в Уппсале.

Гонцам показался непомерно заносчивым ее ответ, и они попросили ее объяснить, что значит такой ответ. Они сказали, что Харальд настолько могущественный конунг, что она может быть довольна его предложением. Однако, поскольку она ответила на него иначе, чем им бы хотелось, они не видят возможности увезти ее теперь против ее воли, и они стали готовиться в обратный путь.

Когда они приготовились к отъезду, люди вышли проводить их. Тут Гюда обратилась к гоңцам и просила передать Харальду конунгу, что она согласится стать его женой не раньше, чем он подчинит себе ради нее всю Норвегию и будет править ею так же единовластно, как Эйрик конунг – Шведской державой или Горм конунг – Данией.

– Потому что тогда, как мне кажется, он сможет называться большим конунгом.

IV

Гоңцы вернулись к Харальду конунгу и передали ему эти слова девушки, сказали, что она непомерно дерзка и неразумна и что конунгу следовало бы послать за ней большое войско, чтобы привезти ее к нему с позором. Но конунг возразил, что девушка не сказала и не сделала ничего такого, за что ей следовало бы отомстить. Скорее он должен быть ей благодарен.

– Мне кажется теперь удивительным, как это мне раньше не приходило в голову то, о чем она мне напомнила, – сказал он. – Я даю обет и призываю в свидетели бога, который меня создал и всем правит (здесь автор саги заставляет язычника Харальда произнести чисто христианскую клятву), что я не буду ни стричь, ни чесать волос, пока не завладею всей Норвегией с налогами, податями и властью над ней, а в противном случае умру.

Гутхорм герцог очень поблагодарил его за эти слова и сказал, что выполнить этот обет – задача, достойная конунга.

V

Вслед за этим родичи собрали большую рать и пошли походом в Уплэнд и дальше на север по долинам и еще дальше на север через Доврафьяль, и когда они спустились в населенный край, Харальд велел убивать всех людей и жечь поселения. Когда населению это стало известно, то все, кто только мог, бежали – кто вниз в Оркадаль, кто в Гаулардаль, кто в леса, а некоторые просили пощады, и ее получали все, кто шел к конунгу и становился его людьми. Так конунг и герцог не встретили никакого сопротивления, пока не пришли в Оркадаль. Там их встретило войско, и первая битва у них была с конунгом, которого звали Грютинг. Харальд конунг одержал победу, Грютинг был взят в плен, и много его воинов было убито, а он сам покорился Харальду и дал ему клятву верности. После этого все в фюльке Оркадаль покорились и сделали его людьми.

VI

Всюду, где Харальд устанавливал свою власть, он вводил такой порядок: присваивал себе все отчины и заставлял всех бондов платить ему подать, как богатых, так и бедных. Он сажал в каждой фюльке ярла, который должен был поддерживать закон и порядок и собирать взьски и подати. Ярл должен был брать треть налогов и податей на свое содержание и расходы. У каждого ярла были в подчинении четыре херсира или больше, и каждый херсир должен был получать двадцать марок (около 215 граммов серебра) на свое содержание. Каждый ярл должен был поставлять конунгу шестьдесят воинов, а каждый херсир – двадцать. Харальд конунг настолько увеличил дани и подати, что у ярлов было теперь больше богатства и власти, чем раньше у конунгов. Когда все это стало известно в Грандхейме, многие знатные люди пришли к конунгу и стали его людьми.

VII

Рассказывают, что ярл Хакон сын Грьотгарда прибыл из Ирьяра к Харальду конунгу и привел с собой большое войско в помощь ему. Харальд конунг пошел в Гаулардаль и дал там битву, в которой пали два конунга, и захватил их владения – фюльки Гаулардаль и Стринда. Он поставил Хакона ярла править в фюльке Стринда. После этого Харальд конунг пошел в Стъорадаль, и там у него была третья битва. Он одержал победу и захватил этот фюльк.

Тогда жители внутреннего Грандхейма собрались, и четыре конунга выступили со своим войском, среди них тот, кто правил Верадалем, тот, кто правил Скауном, третий – фюльком Спарбюггва, четвертый – Эйной. Эти четыре конунга выступили с войском против Харальда конунга, и он дал им битву и одержал победу, а эти конунги – кто пал в битве, а кто бежал. Харальд конунг всего дал в Грандхейме восемь битв или больше, и после того как погибли восемь конунгов, он захватил весь Грандхейм.

VIII

На севере в Наумудале были конунгами два брата – Херлауг и Хроллауг. Они три лета были заняты тем, что сооружали курган. Этот курган был из камня и глины и укреплен бревнами. Когда он был готов, до братьев дошло известие, что Харальд конунг идет на них походом. Тогда Херлауг конунг велел подвезти к кургану много еды и питья. Затем он вошел в курган сам двенадцатый и велел закрыть его за собой.

А Хроллауг конунг взошел на курган, на котором конунги обычно сидели. Он велел поставить на нем престол конунга и сел на этот престол. Затем он велел положить подушку на скамейку, на которой обычно сидели ярлы, скатился с сиденья конунга на сиденье ярла (символическое действие) и назвался ярлом. После этого он отправился навстречу Харальду конунгу и передал ему все свои владения. Он вызвался стать его человеком и рассказал ему о том, что только что сделал. Харальд конунг взял меч и привесил ему на пояс. Затем он привесил щит ему на шею. Он сделал его своим ярлом и возвел на престол. Он сделал его ярлом фюлька Наумудаль.

IX

Харальд конунг вернулся в Грандхейм и провел там зиму. Он всегда потом называл Грандхейм своим домом. Там он устроил свою самую большую и главную усадьбу – Хладир...» Правда, надо отметить, что немало было и тех, кто был недоволен усилением влияния конунга Харальда. Те, кто не решался схватиться с ним в открытом бою, бежали на Оркнейские, Шетлендские, Гебридские, Фарерские острова, в Исландию, Шотландию, в пустынные районы Ямтланда и Хельсингья-ланда и оттуда совершали набеги на Норвегию, нанося стране большой ущерб. Так, «Сага о Харальде Прекрасноволосом» сообщает, что у конунга Харальда было много жен и детей (большинство из них названо в саге). «Все они рано стали зрелыми мужчинами», и «им не нравилось, что конунг не давал им власти». Они воевали с назначаемыми конунгом ярлами, ходили в военные походы. Заканчивается сага тем, что Харальд передает «власть над всей страной» своему сыну Эйрику Кровавая Секира, а через три года умирает. Последняя глава саги посвящена Эйрику.

Иллюстрация из «Книги с Плоского острова» (Flateyjarbók) XIV в. – «юный король Харольд I получает Норвегию из рук своего отца». Первый король Норвегии из рода Инглингов, Харальд Хорфагер, или Прекрасноволосый (др. – исл. Haraldr hárfagri, норв. Harald I Hårfagre; ок. 850-ок. 933), был единственным сыном и преемником Хальвдана Черного, конунга из рода Инглингов, правителя Вестфельда. Матерью Харальда была Рагнхильд, дочь Сигурда Оленя, конунга Хрингарики. Харальду было десять лет, когда умер его отец. Изначально войском Харальда Хальвдансона командовал брат его матери, Гутторм сын Сигурда. В ходе войны за объединение крупнейших княжеств Норвегии конунг Харальд во главу интересов ставил права поддержавших его бондов (землевладельцев) Траундхейма (земли трандов), Раумсдаля (земли раумов), Рогаланда (земли ругов) и Холугаланда (земля холейгов). Согласно сагам, череда побед Харальда над местными конунгами, ярлами и хёвдингами увенчалась великой битвой при Хаврсфьорде (около 872 г.), после которой он стал именовать себя «правителем норвежцев». Именно тогда вошел в употребление топоним «Норвегия» (что значит «Северный путь»). Но в целом можно сказать, что объединение Норвегии в эпоху викингов под верховенством конунга Харальда было непрочным. Кстати, среди историков идут споры о том, на какую территорию Норвегии распространялась власть конунга Харальда I Прекрасноволосого в эпоху викингов. Скорее всего, это были прибрежные области на юге Норвегии. Противники конунга Харальда, мелкие скандинавские феодалы, потерпев поражение в битве при Хавсфьорде в 872 г., приняли участие в экспансии викингов на другие территории, где

оседали и основывали новые поселения в Исландии, на Гебридских, Фарерских и Оркнейских островах. Они совершали частые набеги на свою историческую родину, нанося ей большой ущерб. Кстати, в сагах приводится причина, по которой Харальд сын конунга Хальвдана Гудрёссона Черного предпринял решительные действия по объединению страны. Причину звали Гюдой, к которой посватался Харальд и получил отказ как не слишком завидный жених, владевший только несколькими фюльке (область). Скандинавская красавица желала стать женой правителя всей Норвегии. Отвергнутый конунг дал обет не стричься до тех пор, пока не выполнит поставленных условий для заключения брака. Поэтому некоторое время носил прозвище Косматый. Захватывая земли, конунг Харальд устанавливал на них свой порядок. Назначенный им ярл отвечал за полный и своевременный сбор налогов (постоянному налогообложению подлежало все население королевства), пополнение войска конунга воинами. Треть сборов причиталась самому ярлу на содержание. Назначенцы конунга быстро богатели и становились преданными сторонниками королевской власти. Внешнеполитическая деятельность конунга Харальда Прекрасноволосого была отмечена несколькими захватническими военными экспедициями к островам Британии, Исландии и Нормандии, а также в земли соседней Швеции, где он вступил в борьбу за Верmland и другие приграничные области со шведским конунгом Эриком Эмундссоном. Конунг Харальд женился на Гюде Эриксдоттер, впоследствии был еще семь раз женат официально, имел наложниц и любовниц. В историческом обзоре можно было бы не упоминать этот факт, но многочисленное потомство – более 20 детей (в разных сагах их число варьируется от 11 до 20), сыновей и дочерей, на законных основаниях считали себя конунгами или ярлами (по решению Харальда сыновья и их потомки становились конунгами в своих фюльке, а потомство по линии дочерей – ярлами). В итоге стареющий король Харальд разделил Норвегию между сыновьями на 16 королевств, провозгласив своего любимца Эрика верховным правителем. Эрик был любимым сыном Харальда Прекрасноволосого. Он подолгу жил вместе с отцом, и тот не скрывал, что хочет сделать Эрика своим преемником. Эрик был высок, статен, красив и очень воинственен, но необузданно жесток, неприветлив и неразговорчив. Свое прозвище – Кровавая Секира – Эрик получил за злодеяния, безжалостное истребление родных и сводных братьев. В сагах упоминается о том, что однажды Харальд отправил Эрика в Хордаланн, чтобы выяснить правдивость слухов о том, что один из его сыновей, правитель этой области, Рёгнвальд Прямоногий, занимается чародейством. Эрик, не утруждая себя долгим следствием, просто сжег брата со всем семейством и приближенными в его собственном доме. В 920 г. Эрик возглавил военную экспедицию викингов в Бьёрмаланд, в северные земли Древней Руси. В 930 г. начал борьбу за право судоходства по Даугаве, где грабил небольшие торговые поселения. Приблизительно в это время конунг был приглашен королем Гормом Старым в Данию на пир, где познакомился с его дочерью Гунхильдой, на которой женился следующим же вечером. Гунхильда слыла ведьмой и была очень хороша собой. Некоторые источники говорят о том, что она помогала супругу Эрику избавляться от братьев с помощью яда и колдовства. Так это или нет, но Эрик Кровавая Секира нашел себе достойную половину, не уступающую ему в жестокости и коварстве. Вернувшись из Поморского похода и не договорившись с братом Бьёрном о том, кто отвезет собранные подати в Вестфолле к королю Харальду, Эрик напал на Бьёрна в пути и убил несговорчивого родственника. В 80 лет, будучи больным, конунг Норвегии Харальд официально передал власть Эрику Кровавая Секира, а сам прожил еще три года и умер в Ругаланне. С решением конунга Харальда Прекрасноволосого о порядке престолонаследования родные и сводные братья не согласились, что привело к длительным междоусобным войнам. Кстати, современные историки склонны сдвигать традиционную хронологию жизни и правления Харальда I на несколько десятилетий вперед. Его правление принято относить к периоду с 890 по 940 г. (или 945 г.). Сложности связаны с тем, что из прижизненных источников о Харальде упоминает только его придворный скальд

Торбьёрн Хорнклови. Континентальным авторам он и вовсе не известен. Подробные известия о Харальде были записаны скальдами века спустя и носят налет легендарности.

Колонии викингов управлялись по-разному. Исландия сознательно отвергла власть конунгов, поскольку многие ведущие поселенцы с неприязнью относились к намерению конунга Харальда Прекрасноволосого подчинить себе всю Норвегию. Исландцы вручили власть 36 вождям, статус которых теоретически был одинаковым. На Оркнейских островах правила династия ярлов, чья власть иногда простиралась на Шотландию и Мэн; при этом они достаточно неопределенным образом зависели от норвежского конунга. В Ирландии и Англии у викингов было множество вождей, которые иногда называли себя конунгами, а иногда и нет. Сфера их влияния менялась от десятилетия к десятилетию. Впрочем, едва ли следует представлять себе дело так, будто в эпоху викингов, где бы то ни было, существовала единая, стабильная, централизованная королевская власть. В отдельных регионах население придерживалось собственных традиций и законов и всячески оберегало свою независимость. Старинная местная аристократия все еще обладала большой властью в своем крае, хотя влияние ее ослабевало по мере укрепления аппарата королевской власти. Поэтому развитие военных структур королевства отнюдь не было равномерным. Власть конунга все еще зависела от соотношения между его собственным могуществом и могуществом местных ярлов и хёвдингов, а также от ряда внешнеполитических факторов. Тут необходимо несколько слов сказать о хёвдингах. Хёвдинг (др. – сканд. höfðingr или hofðing, нем. Haurting) – это племенной вождь у германских и скандинавских народов. Он одновременно являлся политическим, военным и религиозным лидером. В скандинавском обществе удача являлась одной из главных черт лидера, поэтому задачей хёвдинга было использовать свою удачу, чтобы принести людям «fred» (хорошие времена), то есть мир. Хёвдинг избирался, а титул не наследовался. Стоит особо отметить, что хёвдинг – племенной вождь – и конунг – предводитель военной дружины, военный вождь – изначально совершенно разные титулы, которые носили разные люди. Так, хёвдинг исполнял свои функции постоянно, конунга же выбирали изначально только на время войны или для иной важной миссии (отправления правосудия, участия в жертвоприношении). Скорее всего, лишь во время Великого переселения народов «должность» конунга стала постоянной, а затем из нее развился институт королевской власти. В «Саге об Ингваре Путешественнике» упоминается Аки – один из шведских хёвдингов, сватавший к дочери Эрика Победоносного. «Конунгу показалось унижительным выдать свою дочь замуж за человека незнатного происхождения», и хёвдинг получил отказ. Он взял ее силой, убив ее мужа, за что позже поплатился жизнью.

В эпоху викингов нередко случалось, что то или иное государство вновь утрачивало обретенную целостность; те или иные короли на какое-то время лишались поддержки знати, а затем изгонялись из страны или даже лишались жизни. Бывали также случаи, когда какое-либо государство или часть его на определенный период попадало под власть иноземцев.

Считается, что предпосылкой для того, чтобы все земли государства объединились под властью одного короля, чтобы население признало его верховенство и согласилось его содержать, должно было быть желание наиболее влиятельных кругов в стране добиться для нее мира и процветания. Побывав в Европе, Византии и арабских странах, многие скандинавы поняли преимущества сильного аппарата власти. Накануне эпохи викингов и на протяжении ее в Скандинавии возникла потребность в политическом объединении. Экономика и структура общества все больше усложнялись. Росло производство товаров, отмечался небывалый рост торговли и ремесел. В руках многих скапливались огромные ценности, возникали торговые центры и города, оживился товарооборот и расширились связи Скандинавии с другими регионами. Появилась необходимость перевозить товары и ценности на большие расстояния, а вместе с этим возросла опасность разбойничьих набегов. С развитием судоходства морские пираты могли появляться повсюду. И только король, наделенный властью, способен был огра-

дить людей от этих грабежей и обеспечить им спокойствие и охрану на большой территории, получая в уплату соответствующие налоги и пошлины. Стало ясно, что именно в централизованной королевской власти коренятся предпосылки для стабильности и процветания общества. Все больше ощущалась потребность в аппарате власти, глава которой имел бы возможность в кратчайший срок собрать большую военную силу в определенном месте, дабы противостоять опасности, исходившей от воинственных соседей или больших хорошо организованных флотилий пиратов. Далее, наделенная властными полномочиями личность могла служить связующим звеном между населением и богами, а также между ним и иноземными государственными образованиями. Во власти богов было обеспечить мир и процветание обществу, но немалое значение приобретали все растущие связи с иными государствами, например заключение союза между двумя странами. Наконец, королевская власть могла способствовать укреплению единства между правителем и народом, созданию государства с определенными географическими границами и наличием представителей королевства за его пределами. Новые возможности открывались как для отпрысков древних аристократических родов, так и для энергичных, деятельных представителей других слоев скандинавского общества.

В эпоху викингов, в период до принятия христианства скандинавами, конунг исполнял три функции: судебную в ходе тинга; военную во время войны; жреческую во время жертвоприношений. А сам титул конунг являлся наследственным, но, для того чтобы вступить на престол, претенденту требовалось одобрение народа. В целом можно сказать, что легитимность власти конунга в Скандинавии обуславливалась тем, что он должен был быть отпрыском королевского рода по отцовской или материнской линии. Это была основа легитимности, которая затем подкреплялась утверждением, что дальними предками конунга были боги и герои древности. Обычно трон после смерти конунга занимал его сын. Но твердо установленного закона о престолонаследии не существовало. Конунг мог также избираться, и в этом случае могла возникнуть борьба за трон между членами семьи, причем каждый претендент заручался поддержкой своей стороны. В конце концов, в этой борьбе побеждал кто-нибудь один, а иногда проблема разрешалась таким образом, что на троне оказывалось сразу несколько конунгов. Так, например, во французских анналах мы находим сведения о полной драматизма смене конунгов на датском троне в начале 800-х годов.

Иллюстрация из «Книги с Плоского острова» (Flateyjarbók) XIV в. – «Харольд I король Норвегии». Первый король Норвегии из рода Инглингов, Харальд Хальфдансон Хорфагер или Прекрасноволосый, изображен сидящим на троне в золотой короне с мечом в руке.

После убийства короля Годфреда в 810 году конунгом стал его племянник Хемминг, а его собственные сыновья вынуждены были отправиться в изгнание. Два года спустя Хемминг умер, и борьбу за трон повели два рода. Во главе одного из них стоял Сигфред (другой племянник Годфреда), а второй возглавил Ануло (племянник прежнего конунга, Харальда). В этой борьбе оба претендента на престол погибли, но победил род Ануло. В конце концов трон заняли два брата Ануло, однако уже через год, в 813 году, они были изгнаны с престола сыновьями конунга Годфреда. Теперь конунгами стали они, и эта ветвь рода удерживала власть на протяжении многих лет. Правда, случалось и так, что королевская власть разделялась несколькими представителями одной семьи, например отцом и сыном или братьями, но женщины никогда не участвовали в этом. Случалось также, что на троне укреплялась новая династия. Так произошло в Дании в конце 800-х годов, а затем незадолго до середины

следующего века, когда на политической арене неожиданно возник конунг Горм Старый. Возможно, его сомнительная легитимность подкреплялась дальним родством с королевской семьей через внебрачные связи, как это уже не однажды бывало в других регионах. Во всяком случае, можно предположить, что власть нередко завоевывалась с мечом в руке или добывалась с помощью больших количеств серебра. Так было, когда незадолго до 1000-го года конунгом Норвегии стал Олав Трюггвессон. Его воцарение на норвежском троне произошло не без помощи огромных запасов серебра, добытых им во время грабительских набегов в Англию.

Кстати, письменные источники свидетельствуют также о том, что титул конунга не всегда означал власть над каким-либо определенным географическим регионом. Так, многие викингские походы в Европу возглавлялись военачальниками, которые носили титул конунга, несмотря на то что у себя на родине они не обладали никакой властью и там уже сидел на троне

могущественный конунг. Действительно, в некоторых случаях конунг не имел земельных владений и вел странствующий образ жизни на корабле – таких конунгов называли сэконунгами (морскими конунгами).

В ранний период эпохи викингов конунгу принадлежал один или несколько кораблей, боевая дружина – хирд (у древних скандинавов словом «Hird» называлась боевая дружина вождя) и обширный земельный надел – усадьба. Последнее нередко становилось причиной феодальных междоусобиц.

В качестве жреца конунг просил одобрения своих действий богами. Например, Эйрик Победоносный обращался к Одину на третий день битвы на Фирисвеллире. Также конунг руководил принятым в скандинавском язычестве обрядом жертвоприношения— блотом (др. – сканд. blot; как правило, он заключался в ритуальном вкушении мяса и хмельного меда, который могли заменять пивом, а на пирах вельмож вином) в важных общественных местах, таких, как Храм Упсалы. Отказ от этой обязанности мог стоить конунгу власти. Так случилось, например, с Хаконом Добрым, пытавшимся навязать христианство соплеменникам, а также с Анундом Гордске, из-за христианских убеждений отказавшимся участвовать в блоте и низложенным в 1070 году.

Первый король Норвегии из рода Инглингов, Харальд Хальфдансон Хорфагер, или Прекрасноволосый, с женой. Реконструкция. Норвегия. Фигуры из воска, одежда и украшения конунга и его жены сделаны на основе археологических находок из погребений знатных и богатых скандинавов эпохи викингов.

В эпоху викингов в скандинавских странах с течением времени, когда монархия развивалась, первоначально простой и примитивный королевский двор стал более сложно организован. Так, хирдманы различных рангов образовывали королевский совет. А командование войском конунга доверялось только члену непосредственно королевской семьи или же ярлу, всесторонне доказавшему собственную преданность короне. Среди ближайших соратников конунга и членов его внутреннего круга находились распорядитель конюшен, отвечавший за королевских лошадей, и глава флота, ведавший всеми вопросами, связанными с королевским

флотом. Еще одним обязательным членом королевской свиты у скандинавских конунгов, пользовавшимся к тому же большим почетом и милостью государей, одаривавших их порой роскошными дарами, был придворный скальд (древнескандинавский поэт-певец). Скальды жили преимущественно при дворах и дружинах конунгов и творили в период с IX по XIV век. Основными жанрами их поэзии были драпа (боевая песня, прославлявшая подвиги конунга, его дружины и выражавшая героические идеалы), нид и отдельная виса. За хорошее произведение скальд мог получить целое состояние. Песни скальдов, исполнявшиеся самими поэтами без музыкального сопровождения, сохранялись в течение ряда веков в устной традиции. Поэзия скальдов имеет авторство: известно около 350 имен. Наиболее известные скальды: Браги Боддасон (IX в.), Эгиль Скаллаграмссон (ок. 910-ок. 990), Кормак Эгмундарсон (X в.), Снорри Стурлусон и др. Кстати, первые скальды были норвежцами. В X веке искусство скальдов получило широкое распространение в Исландии. С этого времени большинство скальдов при дворах скандинавской знати происходили из Исландии. Входе странствий скальды приходили в селения на праздники и ярмарки, где по памяти читали сочинения, распространяя новости об очередных свершениях конунгов так, чтобы слова передавались из уст в уста и не исчезали, переходя от поколения к поколению.

Также важным атрибутом власти конунга было наличие круглосуточной вооруженной охраны, которая поддерживала его авторитет, собирала налоги и представляла его на местных тингах. Конечно, основной обязанностью личных телохранителей конунга было сражаться за своего господина, когда бы в этом ни возникла необходимость. В остальное время они жили на добычу, а в конце службы получали землю, золото или товары. Некоторые могли оставаться на службе только на год или два: это были молодые люди, искавшие приключений, добычи и почета (пробыть хотя бы некоторое время хирдманом великого вождя считалось почетным). Другие проводили на службе большую часть своей жизни и формировали ядро королевского двора. Глубокая личная преданность, которая возникала в результате таких отношений, была очень велика; героическую верность телохранителей, погибавших в битве бок о бок с господином, можно считать одной из излюбленных тем в литературе скандинавов и германцев. Щедрость господина по отношению к хирдманам также не обойдена поэтами; один скальд при дворе конунга Харальда Прекрасноволосого нарисовал блистательную картину жизни придворных воинов: «Их одарили богатством и прекрасными клинками, металлом из страны гуннов и девами с Востока. Рады они, когда приближается битва. Они быстро вскакивают и хватаются за весла, они рубят снасти и раскалывают уключины, и отважно раздают удары по приказу конунга». Кстати, скальды, как и воины, также получали прекрасные подарки от конунга: «По их платью и золотым кольцам видно, что это приближенные, друзья короля: красны их плащи с богато отделанными краями, мечи выложены серебром, прекрасны кольчуги, позолочены пряжки, резьбой украшены шлемы, на запястьях — кольца, что дал им Харальд».

В эпоху викингов скандинавские конунги приобретали и умножали свое богатство путем завоеваний и черпали средства из их обширных владений и сети королевских усадеб, управление которыми осуществлялось королевскими назначенцами. Подобные королевские усадьбы были разбросаны по всей стране и помимо источника поступления материальных благ служили удобными базами для конунга и его свиты во время поездок по территории королевства. Так, летом конунг и его хирд путешествовали по стране: конунг председательствовал на тингах и выносил решения; зимой они в основном жили в поместьях конунга, если их не приглашали в дома других знатных людей на зимние пиры. Вот так время от времени, в зависимости от ситуации, то одна, то другая королевская усадьба оказывалась наиболее предпочтительной для пребывания в ней конунга. Королевские усадьбы в Борре и Йеллинге, очевидно, приобретали особое значение, соответственно в 800-е годы и в середине 900-х годов. Часто конунги находились в торговых центрах, таких, как Хедебю, Бирка и Тронхейм. Они также поддерживали связи и с религиозными центрами, например, с Упсалой в Швеции и тем же Тронхеймом в

Норвегии. В Лейре при раскопках было обнаружено колоссальное сооружение – зал королевских размеров, длиной 48 метров и шириной 11 метров. Но как выглядела в целом королевская усадьба тех лет, мы пока еще не знаем. Датские «круглые» крепости, относящиеся примерно к 980-м годам, были, бесспорно, королевскими, но это были прежде всего военные лагеря. В целом можно сказать, что экономическую основу королевской власти в Скандинавии составляли земельные владения и получаемые от них доходы. Чем больше земли было в личном владении конунга, тем больше было у него доходов. К этому можно присовокупить пошлины, получаемые от городов, торговые пошлины и таможенные сборы, взимавшиеся за проезд по стране. Доходы могли также поступать от торговой деятельности самого конунга: от чеканки монет и от выдачи лицензий на особый вид морского пиратства. Последнее было распространено в Дании, во всяком случае, в период около 1070 года. Особо важное место занимали всякого рода отступные, получаемые от королевских подданных. Конунг мог за плату восстановить в правах человека, объявленного вне закона, можно было также откупиться от призыва в ополчение, когда оно объявлялось. Нам доподлинно известно, что такой порядок существовал в поздний период эпохи викингов. Известно о выплатах конунгу на поездки по стране для него и его приближенных. Помимо этого существовала обязанность предоставлять во время таких поездок кров конунгу и его свите. При смутах и волнениях земельные владения конунга, равно как и его доходы, могли увеличиться за счет конфискации имущества и земель смутьянов. Также имелись возможности получения доходов и за пределами страны. Сюда следует причислить дань и пошлины, которые периодически взимались либо с населения покоренных земель, либо с отдельных лиц, которые по доброй воле платили дань конунгу или хёвдингу в обмен на обещание защиты и мирной жизни. Казна конунга могла пополняться за счет регулярных набегов и грабежей, равно как и выплачиваемого побежденным или запуганным неприятелем выкупа в обмен на обещание покинуть его территорию. Можно сказать, что богатство и слава были главными условиями существования, и скандинавские конунги постоянно участвовали в сражениях во главе своего войска либо предводительствовали в викингских походах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие из скандинавских конунгов погибали, не дожив до старости. Так, конунг Норвегии Магнус Босоногий был убит во время похода на Ирландию в 1103 году. Ему было всего около тридцати лет. В одной из саг приводятся его слова: «Конунгам уготована слава, но не суждена долгая жизнь».

В эпоху викингов могущество конунга, ярла или хёвдинга базировалось на их славе и богатстве, владении землей, скотом и ценностями. Реальная власть зависела также от способности конунга сплотить вокруг себя приверженцев, вести их за собой, добиваться побед и щедро платить своим людям за службу. Суммируя все это, можно сказать, что престиж и запасы серебра являлись верным средством для того, чтобы заручиться необходимой поддержкой. Именно поэтому погоня за славой и богатством ставилась во главу угла на протяжении всей эпохи викингов. Конунги викингов окружали себя блеском и роскошью, а идеалы знати коренились исключительно в военной сфере.

Скальды, складывавшие хвалебные песни в честь своих властителей, воспевали победы в сражениях, мечи и корабли, богатую добычу, дальние походы, мужество и верность, а также щедрое вознаграждение, которое люди короля или викинга получали за свою службу. Неудивительно, что оружие непременно присутствует во всех погребениях знати языческих времен, а раем для погибших воинов называли Валгаллу – чертоги бога войны Одина. Здесь время проходило в пирах и состязаниях и в общении благородных героев с равными себе. В жизни как конунги, так и хёвдинги имели при себе дружину, где каждый был лично связан со своим господином взаимной верностью и дружбой. Воины дружины являлись его личной стражей: они сопровождали своего господина в походах и других поездках, помогая ему и советом и делом.

В эпоху викингов желание представителей новой династии подчеркнуть свою власть на территории, оказавшейся в их владении, проявилось в создании великолепных викингских монументов. Так, в Еллинге сын конунга Горма Старого, конунг Дании и Норвегии Харальд I Синезубый Гормссон, возвел самый грандиозный монумент эпохи викингов. В него входят два памятных камня с руническими письменами, два громадных кургана, королевское погребение и церковь. Все это создано в память о родителях Харальда I Синезубого и призвано утвердить неоспоримую власть их рода над большой территорией, а также увековечить подвиги самого конунга Харальда I Синезубого и подчеркнуть его приверженность христианской вере. Некоторые большие могильные курганы в Вестфолле (Южная Норвегия) наверняка подчеркивают власть на этой земле королевского рода Инглингов. К роду Инглингов принадлежал и король Харальд Прекрасноволосый, объединивший Норвегию в единое королевство. Некоторые из этих курганов – Усебергский, Гокстадский и один из самых великолепных, курган в Борре, – были исследованы в XX веке. В них были обнаружены большие корабли и множество прекрасных вещей 800-х годов, несомненно, принадлежавших королям и королевам. Эти многочисленные предметы роскоши, найденные в ходе раскопок, подтверждают тот факт, что скандинавские конунги и аристократия жили довольно широко и никак не бедствовали. Конунги стремились окружить себя разного рода предметами и снаряжением особой красоты и покровительствовали искусным ремесленникам, подвизавшимся на ниве производства такого рода товаров. Плотники, корабелы, резчики по дереву, художники, оружейники и серебряных дел мастера часто бывали обласканы щедрым государем и ни в коем случае не обойдены королевской милостью.

Одна из сторон большого памятного рунного камня в Еллингe, или «камня Харальда». Этот камень является своего рода «свидетельством о рождении» королевства Дания. Камень высотой 2,43 метра, весящий около 10 тонн, был установлен по приказу конунга Дании и Норвегии Харальда I Синезубого Гормссона (около 930–986 гг.) не ранее 965 г. Данный памятный камень эпохи викингов создан в память о родителях Харальда I Синезубого и призван утвердить неоспоримую власть их рода над большой территорией, а также увековечить подвиги самого датского конунга Харальда I Синезубого и подчеркнуть его приверженность христианской вере. Руническая надпись на камне имеет явный религиозно-политический смысл. Она гласит: «Харальд конунг поставил этот камень в честь Горма, отца своего, и Тюры, матери своей. Харальд, покоривший всю Данию и Норвегию, кто крестил датчан». Рунный камень расположен во дворе Еллингской церкви между двумя большими погребальными курганами. Он является свидетельством эпохи перехода скандинавов от язычества к христианству.

Конунг Дании и Норвегии Харальд I Синезубый Гормссон (дат. Harald Blatand, норв. Harald Blåtann; годы жизни: около 930–986; годы правления: около 958–986) свое прозвище «Синезубый» получил из-за темного цвета зубов (слово «Blá» в то время означало гораздо более темный цвет, чем синий). Наследовал трон от своего отца конунга Горма Старого, в честь которого установил один из рунных камней в Еллингe. При конунге Харальде I в 965 г. Дания официально приняла христианство. Это решение в основном было продиктовано политическими выгодами такого шага – улучшением отношений с соседней Священной Римской импе-

рией и просвещенным христианским миром в целом. Согласно раннесредневековому источнику (Адам Бременский либо Саксон Грамматик), датский конунг Харальд I Синезубый был убит во время войны со своим сыном Свеном. Причинами разногласий называются приверженность Харальда церкви, попытки укрепить государство и расширить его полномочия, в то время как Свен был язычником и предпочитал традиционные набеги. Однако объективность источника подвергается сомнению. По одной из версий, Харальд Синезубый умер в Йомсборге. За свою жизнь Харальд I Синезубый был трижды женат: на Гунхильде, Тове и Гирид. Дети у Харальда были только от Гунхильды. Свейн I Вилобородый (будущий король Дании, около 960 г.), Хокон (около 961 г.), Гунхильда (была убита в Англии 13 ноября 1002 г., во время резни в День св. Брайса, как полагают историки, именно смерть сестры послужила предлогом Свену I Вилобородому для вторжения в Англию) и последняя дочь Тира (трижды овдовев, покончила с собой: согласно легенде заморила себя голодом в 1000 г.). Датский конунг Харальд I Синезубый возведен в лик святых католической церковью.

Далее рассмотрим сакральный характер королевской власти в Скандинавских странах эпохи викингов и историческую действительность. Историки, интересовавшиеся сакральными чертами власти скандинавских конунгов, иногда критически оценивали достоверность традиции. Они занимались преимущественно сагами, к которым, в противоположность большей части историков религии, относились с недоверием. Они, в частности, исследовали и политические стороны этой проблемы, вовсе не привлекавшие внимания историков религии. В этой связи в литературе справедливо указывалось, что нельзя игнорировать крайнюю слабость политической власти скандинавских конунгов. Поэтому носители ее не могли иметь в народной религии каких-либо черт благоговейного поклонения перед конунгом. В силу изложенного историками, даже если они и отмечали социальные и политические черты в сакральных институтах королевской власти, рассматривали их все же в сфере ограниченных и статичных понятий религиозного мира. Конечно, такой метод ограничивал возможности исследователя, так как вел к безоговорочному отрицанию существования сакральных черт королевской власти. Однако в фокусе споров находилась не социальная и политическая сторона сакральных черт короны, а вопрос о том, является ли достоверной родословная, возводившая конунгов к предкам-богам. Так как генеалогии с предками-божествами были составлены по большей части в христианский период, то спорным является вопрос о том, в какой мере в них отразились дохристианские представления. В раннем Средневековье христианская концепция королевской власти использовала не только богословско-философские аргументы о Боге как творце права и общественного порядка. Однако эти взгляды были уделом лишь узкого круга интеллектуальной элиты. Более распространенным, особенно в придворной среде, было обоснование власти и достоинства королей аргументами чисто магического мышления и действия. Провозглашался тезис об особой связи короля и божества, от которой зависит благополучие народа. Эта связь короля и Бога скреплялась магическими таинствами. Одним из них было помазание на царство. На протяжении веков начиная с Пипина Короткого, узурпировавшего титул «милостью божьей король», королевская власть считалась священной даже в официальных документах папской канцелярии, пока спор об инвеституре не изменил статус королей. Если для обоснования королевских атрибутов использовались мотивы Ветхого завета, то это не значит, что и до принятия христианства не существовало сходных, несомненно, более примитивных представлений о связи божества с королем. Популярность некоторых библейских образов так же, как, например, канонизация многочисленных королей, могут свидетельствовать о необходимости придать старым представлениям новые формы. Итак, рассмотрим вопрос о сакральном характере королевской власти на фоне процессов периода складывания государства в скандинавском обществе. Этим путем мы сумеем установить политические и идеологические запросы королевской власти, и в особенности тех скандинавских королей, которые

пролагали путь к объединению своей страны. На этой основе мы и покажем, что придание королевской власти сакрального характера преследовало определенную цель. Как известно, власть скандинавских конунгов была весьма ограниченной, как и власть ярлов, которых можно отнести к одной категории с конунгами, тем более что некоторые ярлы в Норвегии и Швеции стремились захватить трон и стать конунгами. На практике власть конунга в эпоху викингов распространялась лишь на ту территорию, над которой он реально мог осуществлять свою власть. А это означало, что скандинавские конунги могли отнимать у других знатных вождей родовые усадьбы, захватывать силами своих хирдов (дружин) земли и присваивать в свою пользу подати с местных бондов. Также конунги и ярлы добивались господства при помощи походов викингов. Еще Снорри Стурласон, размышлявший о начале норвежского государства, отмечал, что первоначально конунги не обладали никакой территорией. Даже на более позднем этапе государственного объединения Норвегии конунг Олаф Харальдссон вынужден был бороться с фюльксонунгами Опленда, о чем повествуют скальды Сигват и Отгар. Римберт, также вполне надежный свидетель, писал, что короли Бирки должны были считаться со своими советниками (*consiliarii*). Такое положение полностью отвечает концепции королевской власти, господствовавшей еще столетия в христианском средневековом мире. Кстати, даже Адам Бременский подчеркивал, что шведы «имеют королей древнего рода, но их сила зависит от решения народа». Поэтому нет ничего удивительного в том, что конунги, добивавшиеся усиления своих позиций (а такие стремления многократно засвидетельствованы), не могли удовлетвориться одними лишь военно-политическими мероприятиями. Не могли они ограничиться и экономическими основами своей власти при всем их решающем значении. Необходимо было одновременно использовать и идеологические средства, которые придали бы более прочную основу притязаниям конунгов на власть и гарантировали бы им повиновение населения, повинности народа. Иными словами, должна была возникнуть идея королевского владычества, надолго ставшая составной частью идеологии всего социального строя Средневековья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.